

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ АВАНТЮРА

АНТОН ПЕРВУШИН

ПСЫ ВОЙНЫ

«КРЫЛОВ»

Батальон Икс

АНТОН ПЕРВУШИН

ПСЫ ВОЙНЫ

«Автор»

2008

Первушин А. И.

Псы войны / А. И. Первушин — «Автор», 2008 — (Батальон Икс)

В начале XXI века Российская Федерация трещит по швам. Сепаратисты всех мастей стремятся уничтожить огромное государство, отхватив от него «кусочек пожирнее». Но в стране действует забытый батальон – подразделение, созданное из элиты офицерского корпуса специально для борьбы с сепаратистами. Этих людей нельзя купить или продать, их нельзя переубедить или переманить – потому что они сражаются не за свои интересы, а за интересы своей страны. Они – батальон «Икс», новый фактор в войнах нового поколения. И они несут смерть любому, кто мечтает о гибели России... Роман сюжетно связан с циклом «Пираты XXI века».

© Первушин А. И., 2008

© Автор, 2008

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	27
Глава 3	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Антон Первушин

Псы войны

Книга Первая из цикла «Батальон Икс»)

Посвящаю Андрею Дмитриевичу Балабухе – писателю, учителю и другу, с извинениями за то, что слишком вольно распорядился придуманным им миром.

Любое совпадение образов персонажей этого романа с реально существующими людьми или персонажами книг других писателей не более, чем случайность. Все события, описанные здесь, никогда не происходили в действительности, но, к сожалению, вполне могли произойти.

«...Да, некоторые люди воюют за идеалы, но девяносто девять процентов из них просто водят за нос. Или взять тех, которые, сидя дома, выступают в поддержку войны. Мы всегда правы, а они всегда не правы. В Вашингтоне и Пекине, в Лондоне и Москве. И знаешь что? Их всех обманывают. Эти американские солдаты во Вьетнаме, думаешь, умирали за жизнь, свободу и счастливое будущее? Они умирали за индекс Доу Джонса на Уолл-Стрит, и так было всегда. А британские солдаты, которые гибли в Кении, на Кипре, в Адене? Неужели ты всерьез считаешь, что они бросались в бой с криками „За Бога, Короля и Отечество“?

Они оказались в тех краях потому, что полковник приказал, а полковнику приказали в военном министерстве, а туда поступил приказ из Кабинета, чтобы удерживать британский контроль над ресурсами местной экономики. Ну и что с того? Деньги достались тем, кому и принадлежали с самого начала, и какая разница, сколько тел британских солдат осталось лежать неизвестно где? Это все обман, большой обман.

Со мной всё обстоит иначе в том смысле, что мне никто не приказывает идти в бой, не говорит, где воевать или на чьей стороне. Вот почему политики, истеблишмент, так ненавидят наёмников. Дело не в том, что мы опаснее их самих, скорее всё совсем наоборот. Просто они не могут нас контролировать, мы не подчиняемся их приказам. Не стреляем в тех, на кого они укажут, не начинаем, когда они командуют «начать», не останавливаемся, когда они говорят «прекратить». Вот почему мы считаемся вне закона. Мы воюем по контракту, и сами выбираем себе контракты».

Фредерик Форсайт «Псы войны»

*«От иных берегов, из иной глубины,
Не сигнальный рожок, не охотничий рог,
Это лайот и воют псы войны,
Их держит на сворке всемогущий бог.
Ныне бог стал гневлив и суров,
А если ещё больше рассердится он,
Псы войны сорвутся с поводков,
Будет стон и плач со всех сторон!
Слышишь, как гудит земля кругом,
Как в слепых зарницах катится гром,
Если скажут, что гремит гроза, – не верь,*

Воют псы войны у твоих дверей!»
Николай Воджи-Петров «Псы войны»

Глава 1

1.

На рекогносцировку у подполковника Звягина ушло ровно два часа. С площади вернулся он хмурым. Сел в кресло и немедленно закурил. Подчинённые переглянулись. Настроение непосредственного начальника им очень не понравилось. Не идут в бой с таким настроением.

– Хреновые наши дела, ребята, – сообщил Звягин, стряхивая пепел себе под ноги.

Дела, судя по всему, были хреновее некуда. Бойцы батальона особого назначения «Икс» впервые наблюдали своего командира, мусорящим в штабном «икарусе» – до сих пор он никогда этого не делал и не позволял другим.

– Что случилось, товарищ подполковник? – рискнул спросить старший лейтенант Гуров из взвода информационного обеспечения.

– Ветераны, бабки, мамы с детьми, подростки... – подполковник замолчал, но и сказанного было более чем достаточно.

– Вот суки! – капитан Виноградов из разведывательной роты стукнул себя кулаком по колену. – И они ещё называют себя демократами! А мы, получается, должны их сраную демократию защищать?..

– Лирическую галиматью отставить! – резко оборвал подполковник излияния Виноградова. – Предложения по существу есть?

– Может быть, газом их? – высказался лейтенант Рокотов, специалист по боевым отравляющим веществам и отличный минёр. – Уложим на пару часов баиньки...

– Площадь слишком велика, – возразил Звягин, – да и брать надо не площадь, а само Здание.

– А если десантироваться на крышу? – предложил лейтенант Хутчиш, командир взвода специальных операций.

– С чего ты будешь десантироваться? – поинтересовался Звягин. – С планера своего?

– А что? Могу и с планера... Не в первый раз!

– Герой! И чем ты, герой, его разгонять будешь? И откуда будешь взлетать? Это же Москва, а не Карабах.

– Да, – согласился капитан Золотарёв из авиагруппы, – без «вертушки», значит, там делать нечего. И почему у нас нет «вертушки»?

– А может, захватить вертолёт? – сразу же оживился командир второго взвода ударной роты майор Зверев. – Тут же вокруг Москвы аэродромов понатыкано, как грибов в лесу.

– Хватит! – подполковник швырнул окурочок на пол и затоптал его каблуком. – Я всё уже понял. Предложений по существу нет. Буду звонить Зайцеву. Телефон мне!

Капитан Верлинов подал Звягину обычную трубку с кнопочным набором, от которой тянулся кабель к штатному устройству специальной связи, состоящему из шифратора, широкодиапазонной радиостанции и антенны, вибраторы которой были размещены прямо в крыше «икаруса». Подполковник, не глядя, потыкал пальцами в кнопки. На том конце линии отозвались почти немедленно – Звягин всегда знал, какой номер набирать, чтобы дозвониться до необходимого респондента даже в той ситуации, когда, казалось, вообще ни до кого нельзя дозвониться.

– Здесь Леонид, – представился подполковник. – Один вопрос, товарищ генерал-майор. Вы участвуете?

– Нет, – сказал командир спецотряда «Альфа» Геннадий Зайцев, и все услышали его ответ: такая в штабном «икарусе» воцарилась тишина. – Хватит с нас девяносто первого. И января, и августа. Сами заварили кашу – пусть сами и расхлёбывают.

Зайцев отличался лаконичностью, и его «продолжительная» речь выдавала сильное душевное волнение, генералам от спецназа обычно несвойственное.

– А мне что посоветуешь? – спросил Звягин, и его подчинённые многозначительно переглянулись между собой.

– Что я тебе могу посоветовать? Не лезь в это дело. Не выгорит – останешься крайним. Выгорит – снова останешься крайним. Выбора нам не дают, а лишняя кровь на руках... зачем?

Командиры помолчали. Каждый думал о своём, но направление их мыслей было одинаковым.

– Спасибо, Гена, – Звягин нажал кнопку отключения и вернул трубку.

Потом снова закурил.

– Я правильно понял, «Альфа» не участвует? – спросил майор Бояров, заместитель командира, выполняющий одновременно функции начальника штаба.

– Правильно, – буркнул Звягин, пуская дым и избегая взглядов своих подчинённых.

Наступило молчание. Любой из присутствующих в штабном «икарусе» и ожидающих приказа офицеров имел своё мнение на счёт того, как следует поступить командиру в этой непростой ситуации. Здесь были и такие, для которых наличие на площади стариков, женщин и детей не значило ровным счётом ничего: если будет отдан приказ, они пройдут сквозь толпу, как раскалённый нож сквозь масло, оставляя за собой трупы и трупы, и не делая скидок на возраст или пол противника. Но были и другие – те, кто не хотел «лишней крови на руках», и, скорее, стал бы предателем, чем исполнителем смертоносной миссии. В воздухе запахло расколом, а раскола внутри подчинённого ему подразделения подполковник Звягин боялся больше всего.

Затянувшуюся паузу прервал резкий сигнал зуммера. Капитан Верлинов снял трубку, выслушал кодовое слово и последовавший за ним вопрос, ответил коротко: «Да, товарищ генерал, сейчас спрошу», после чего повернулся к Звягину:

– Товарищ подполковник, на связи Председатель Совбеза. Он спрашивает, готовы ли мы начать операцию?

– Вовремя, – обронил Звягин.

Оттягивать с решением было больше нельзя, и подполковник громко и чётко произнёс:

– Пусть идёт в задницу со своей операцией!

– Так прямо ему и сказать? – уточнил Верлинов, невольно понизив голос.

– Так прямо ему и скажи!

Капитан расплылся в улыбке.

– Идите вы в задницу, товарищ генерал! – сказал он в трубку и дал отбой.

2.

Сборы проходили в палаточном лагере, разбитом посреди соснового бора на берегу Финского залива. Призванные со всех концов страны по официальным повесткам военкоматов «партизаны» (так с незапамятных времён в советской армии назывались резервисты, сорванные с гражданки очередными сборами), одетые в хабэшные мундиры пошива шестидесятых годов без знаков различия, стояли в две шеренги на тщательно утоптанной площадке, заменяющей здесь войсковой плац, под вкопанным в землю штоком, на котором развевался трёхцветный российский стяг.

– Товарищи офицеры, смирно!

Седовласый и седоусый генерал-полковник вышел в центр плаца. Чуть помедлив, он развязал тесёмки простой картонной папки, извлёк из неё лист бумаги, прокашлялся в кулак и монотонным голосом зачитал:

– Указ Президента Российской Федерации. От двадцать второго мая тысяча девятьсот девяносто четвёртого года. В связи с тем, что во время событий, связанных с незаконными антигосударственными действиями группы лиц, называвших себя Верховным Советом Российской Федерации, и происходивших с двадцать первого сентября по четвёртое октября тысяча девятьсот девяносто третьего года, батальон особого назначения при Совете Безопасности Российской Федерации не выполнил прямое распоряжение Председателя Совета Безопасности и Верховного Главнокомандующего, Президента Российской Федерации о проведении акции силового воздействия по отношению к сторонникам так называемого Верховного Совета, приказываю, – генерал-полковник сделал паузу, чтобы дать «партизанам» возможность проникнуться важностью момента, – в месячный срок расформировать батальон особого назначения при Совете Безопасности, офицеров батальона уволить с действительной службы без права восстановления в рядах Вооружённых сил Российской Федерации...

«Партизаны» никак не выказали своих чувств. Они слишком ценили воинскую честь, чтобы допустить потерю лица под занавес службы. К тому же, все они понимали, что Президент по большому счёту действует по справедливости, отказывая им в праве на дальнейшее существование в виде боевого подразделения: однажды нарушив приказ, они больше не могли считаться «надёжными» и должны были уйти, освободив место кому-нибудь другому – более верному и исполнительному.

Генерал-полковник закончил чтение Указа и спрятал его в папку. Огляделся вокруг с таким видом, словно не понимал, где находится, потом снял фуражку и рукавом отёр выступивший на лбу пот.

– Так-то вот, хлопцы, – сказал он куда менее официальным тоном. – Президент предательств не прощает. Вы ему присягали? Присягали. Клялись строго выполнять приказы командиров и начальников? Клялись. Чего ж вы заартачились?

Строй молчал. Генерал-полковник нахмурил седые брови.

– Никто не хочет ответить? Стыдно стало?

– Никак нет! – раздался звонкий голос. – Не стыдно!

– Ага, – генерал-полковник наклонил голову. – Кто сказал? Выйти из строя на два шага!

Двигаясь по-уставному чётко, из строя вышел один из «партизан», в миру известный как военный лётчик, капитан запаса Сергей Золотарёв.

– Почему тебе не стыдно, солдат? – спросил генерал-полковник.

– Мы Президенту не присягали, – напомнил Золотарёв. – Нет в присяге таких слов. Мы Отечеству присягали. И российскому народу.

– Во-от оно как? – генерал-полковник помолчал. – Правыми, выходит, себя считаете? Несправедливо обиженными?

– Никак нет, товарищ генерал-полковник, – отозвался капитан запаса. – Нас обидеть трудно.

Слова Золотарёва озадачили генерала-полковника. Он снова отёр пот.

– Чем же вы на гражданке заниматься-то будете? – невпопад поинтересовался он, выдав тем самым свои собственные потаённые страхи.

– Тем же, чем и занимались, – браво отвечал Золотарёв. – Как всегда...

3.

Спирта было хоть залейся.

– Отвальная, так отвальная, – бесшабашно заявил Игорь Шамраев и выставил весь свой неприкосновенный запас: пять двадцатилитровых канистр.

– Это дело, – оживились офицеры.

К канистрам прилагались ящики с армейской тушёнкой, мешки с молодой картошкой, морковкой, луком и шулая компания окуней, выловленных в ближайшей речке под руководством заядлого рыбака лейтенанта Мазура. Закуска простая, но зато проверенная временем.

Рассевшись кружком, младшие офицеры принялись чистить корнеплоды. Капитан Верлинов, который славился не только своими феноменальными познаниями в современной электронике, но и умением вкусно готовить, взял на себя рыбу, отослав подчинённый ему взвод технического обслуживания в лес за валежником. Не прошло и часа, как на разведённых по всему лагерю кострах уже «доходила», распространяя неземное благоухание, замечательная уха.

Спирт разбавили и разлили по алюминиевым кружкам. Первый тост, как и положено, произносил командир «расформированного» подразделения – подполковник Звягин.

– Товарищи... – начал было он, но спохватился и сменил тон: – Мужики, мы служили с вами шесть лет. Что бы о нас ни говорили, служили мы честно и справлялись со своими обязанностями в меру сил и способностей. Да, у кого-то могут быть претензии к нам, но мы всегда имели право на выбор, и мы свой выбор сделали. За это я и хочу выпить. За право выбора!

Весьма необычный тост для командира батальона особого назначения, но здесь не было обычных людей, и его тост с воодушевлением поддержали. Потом все принялись хлебать обжигающе горячую уху, а майор Бояров, который с другими старшими офицерами разместился у командирского костра, спросил:

– Слышь, Леонид, а чего ты к Президенту не пошёл, когда он тебя в декабре вызвал? Глядишь, не было бы этого указа.

Звягин неторопливо проглотил ложку ухи, закусил хлебом и ответил так:

– Знаешь, я подумал: а зачем мы друг другу? Я без него проживу. Он без меня – тем более.

Майор Говорков, замполит батальона, громко фыркнул и расплескал уху.

– А если серьёзно? – настаивал Бояров, вызывая командира на откровенность. – Вон Зайцев пошёл, и всё тип-топ.

– Видишь ли, Саша, – Звягин потянулся к черпаку и подлил себе горячего варева, – я давно и, не побоюсь этого слова, пристально наблюдаю за внутренней политикой нашего государства. Это, конечно, не входит в число моих обязанностей. Более того – очень многим из тех, кто отдаёт мне приказы, хотелось бы, чтобы я вообще на подобные мелочи не обращал внимания. Но по-другому я не могу. И не умею...

Его монолог на некоторое время прервался, потому что лейтенант Кирилл Мазур захотел произнести тост за «тех, кто в сапогах». За братьев, тянущих солдатскую лямку, сам Бог велел выпить, и всем снова пришлось вставать, потому что за «братьев» пьют стоя.

– А мы ведь, получается, дембеля, – глубокомысленно изрёк Говорков после того, как все вернулись к своим мискам. – Вот уж не думал, что дембельнусь так скоро.

– Никто не думал, – буркнул командир первого взвода Давыдов. – Но вы не закончили, товарищ подполковник.

– О чём я?.. – наморщил лоб Звягин. – Ах да... В общем, я привык быть в курсе общей политики, потому что именно в ней вижу источник наших побед или поражений. И с какого-то момента политика, проводимая в жизнь нашим Президентом, перестала меня устраивать.

– Вот как? – удивился Бояров. – Ты никогда этого нам не говорил.

– Не говорил, – кивнул подполковник, – потому что не видел необходимости. До этого понимания каждый доходит сам. Или не доходит.

– Ясно. И чем же тебя наша внутренняя политика не устраивает?

– Хотя бы тем, что она направлена на разрушение государственности как таковой.

На несколько секунд за «командирским» костром воцарилось молчание.

– Эх ты его, – пробормотал наконец Бояров. – Сильно сказано, Лёня. Придётся обосновать.

– Сейчас обосную, – Звягин отставил миску с остатками ухи. – Меня с детства учили, что государство может существовать только тогда, когда его граждане не отделяют себя от своей собственной страны. В основе любого проявления сепаратизма лежит прежде всего мысль о сепаратизме, то бишь внутренняя готовность человека отделиться, играть по другим правилам. Это на более высоком уровне осознания придумываются идеи и лозунги: суверенитет, самоопределение, национальная гордость, «Аллах, акбар!» и «С нами Бог!». Так вот, власть наших «демократов» сумела за эти последние годы выдвинуть мысль о сепаратизме на передний план. Это было им выгодно. Остаётся выгодным и поныне. Тоже ведь способ управлять: одни озабочены вопросом самоопределения, другие лелеют «имперские амбиции», все вместе – при деле. Выгодны новой власти оказались и локальные войны. Под благовидным предложением можно такой куш сорвать, что всяким чурбановым и не снился. Они не понимают только одного: раньше или позже государство от их усилий рухнет, и тогда пострадаем не только мы, но и они. А я это понимаю, потому и не хочу быть соучастником, и как следствие – виновником разрушения моей страны.

Сидящие за командирским костром задумались, переваривая услышанное.

– Усложняешь ты всё, Леонид, – высказал Говорков своё мнение. – Всё они понимают, но прыгнуть до катастрофы надеются – вот и весь их секрет. У них ведь уже и паспорта выправлены, и виллы в Испании прикуплены, и счета в швейцарских банках открыты, и дети по западным школам пристроены. А на Россию им наплевать. И всегда было наплевать. Вырастили комсомольцев-ленинцев.

– Это ты как раз усложняешь, – не согласился Звягин. – Точнее говоря, ты вместе с нашими «комсомольцами-ленинцами» поверил мифу о всесии длинного бакса.

– Это ещё что за фигня? – встрепенулся Бояров.

– Есть такой миф, – сказал Звягин, жестом показывая, что кружка у него опустела и требуется добавить. – Создан советским идеологическим аппаратом. Чтобы всякий советский гражданин знал: за бугром тот прав, у кого баксов больше, а все остальные – дерьмо. Мол, у нас система справедливая, потому что о всяком гражданине заботится. А у них – несправедливая, потому что только о толстосумах. Сильно нам по этому поводу мозги загрузили. Так загрузили, что некоторые верят до сих пор, будто это правда.

– А что, разве нет? – спросил Давыдов.

– Молодой ты ещё, Толя, – заметил подполковник без малейшего осуждения, – но этот недостаток со временем поправим. А пока сиди и слушай, что старшие товарищи говорят.

– И что же они говорят?

– А говорят они, что недолго иллюзию лелеять осталось. Когда до дела дойдёт, тут-то и выяснится, что идеология – это одно, а реальность – совсем другое. Много денег иметь за бугром действительно поощряется. Но только в тех случаях, когда ты доказать можешь, что эти деньги получены честным путём.

– А оффшорные зоны на что? – снова встрял Говорков. – А страны «третьего мира»? Там любую сумму отмыть можно.

– Отмывать можно всё, что угодно и сколько угодно, пока тебя терпят. А вот когда терпеть перестанут...

– Не понимаю, о чём ты.

– Объясню. Это сегодня русская мафия в представлениях Запада – горстка качков с интеллектом ниже обезьяны. Но не пройдёт и нескольких лет, как каждый русский вне зави-

симости от пола и возраста будет считаться русской мафией, бандитом. А к бандитам и отношение соответствующее. Придётся каждый доллар декларировать, объяснять, где и при каких обстоятельствах заработал.

– Не слушай его, Толян, – посоветовал Говорков Давыдову. – Он тебе лапшу на уши вешает, а ты его слушаешь. У нас главные бандиты – это те же самые «комсомольцы-ленинцы», которые сейчас по министерствам и ведомствам сидят, а их никто никогда не тронет, потому как фигуры политического значения. Только арестуй одного – их кодла в России такой хай поднимет, что атомная война цветочками покажется.

– Всё правильно говоришь, Савелий, – кивнул Звягин. – Однако не учитываешь маленькую деталь: России к тому времени уже не будет. И из политических фигур наши «комсомольцы-ленинцы» превратятся в рядовых эмигрантов, с которых и спрос совсем другой. Об этом я вам всем уже с полчаса втолковываю. Россия как целостное государство необходима не только нам, но и им. Но в отличие от нас они этого не понимают.

– Ну ты загнул, Лёня! – высказался Бояров. – Вдесятером не разогнуть.

– Я убеждён, – продолжал Звягин, – что самая главная опасность сейчас – сепаратизм. И не то самоопределение, о котором толкуют наши «вожди». А наша собственная безумная вера в то, что по отдельности будет лучше. Помнишь того пацана в Грозном?..

Сидевшие за костром украдкой переглянулись. Того пацана помнили все. Он почти ничем не отличался от десятков и сотен других пацанов – из Тбилиси или Нагорного Карабаха, из Вильнюса или Приднестровья. Для тех, кто сидел за костром, эти мальчишки, науськанные местными фюрерами на «борьбу за свободу», были врагами, и они относились к ним как к врагам: чтобы выполнить боевую задачу, приходилось и убивать, и калечить. Того пацана никто не убивал и не калечил. А запомнился потому, что был пацан русским, на дворе стоял всего лишь 92-ой год, а он вместо того, чтобы радоваться вместе с другими россиянами победе демократии, предпочёл сжечь себя на площади Минутка под лозунгом «Свободу – свободной Ичкерии». Это происшествие, которому не нашлось места ни в одном из выпусков новостей, потрясла Звягина и его товарищей. Потому что нелепая гибель русского паренька из Грозного означала только одно: безумие пришло и в Россию.

– Значит, помнишь, – утвердительно сказал подполковник, глядя в упор на Говоркова. – А теперь вспомни все эти разговорчики. Мол, Москва всех грабит и опускает. Мы, мол, с голодудохнем, а они в роскоши купаются. Вот отделимся от них, налоги у себя будем оставлять, глядишь – поднимемся немеряно.

– Но ведь это правда! – вскинулся Давыдов.

– Это только часть правды. И кому-то выгодно, чтобы население принимало часть правды за всю правду. Я сам, как ты знаешь, из Питера, а потому Москву недолюбиваю, но даже мне понятно, куда нас может завести подобная болтология.

Звягин посмотрел в свою кружку, наполненную почти до краёв, и одним махом, не дожидаясь тоста, опорожнил её. Прокашлялся, занюхал хлебом.

– Выходит, всё катится в таргарары? – переспросил Давыдов со злостью. – А мы тут сидим и бодягу разводим? Нужно действовать!

– А что ты можешь предложить? – осадил его Говорков. – Подразделение расформировано. Мы теперь ничем не отличаемся от гражданских лиц...

– Отличаемся, – сказал вдруг Игорь Шамраев, и все посмотрели на него.

Шамраев славился сдержанностью в высказываниях, но когда начинал говорить, его слова значили очень многое.

– У нас есть то, чего нет у гражданских, – продолжал Шамраев, – Во-первых, организация. Во-вторых, «легенда». В-третьих, спецсредства...

– Погоди, – Говорков зашевелился. – Первое и второе – понятно, но спецсредства у нас отберут.

– Ничего подобного, – сказал Шамраев. – Я внимательно изучил список мероприятий по расформированию. Оружие велено сдать по описи, снаряжение тоже, но про спецсредства в приказе ничего не сказано.

– Вот оно как, – протянул Звягин, обводя задумчивым взглядом своих подчинённых. – А я, дурак старый, и не заметил. Слона проглядел!

– Не только вы, – сказал вежливый Шамраев. – На самом верху тоже проглядели.

– Это значит и мобильный штаб, и авиация, и транспорт – всё остаётся за нами? – уточнил Говорков.

– Так точно, – подтвердил Шамраев. – И кроме того. Поскольку спецсредства на балансе не числятся, можно сказать, с сегодняшнего дня их просто не существует.

– Лихо! – оценил Бояров, широко улыбнувшись. – Мужики, а ведь это означает, что нас рановато похоронили. Мы ещё повоюем!

Говорков обвёл всех подозрительным взглядом. Бояров улыбался. Шамраев, напротив, был серьёзен. Звягин, нахмутив брови, о чём-то размышлял. На лице Давыдова появилось мечтательное выражение.

– Вы чего, охренели? – спросил Говорков, и голос его дрогнул. – Что значит «повоюем»?

– Саша хочет сказать, что мы остались боеспособным подразделением, – охотно пояснил Звягин. – И в любой момент можем принять участие в специальной операции.

– Точно охренели! – подытожил Говорков. – Это же чистой воды бандитизм! За решётку захотелось?

– А ты посмотри на это с другой стороны, – подал совет Звягин. – Наш батальон всегда существовал на нелегальном положении. В составе вооружённых сил Российской Федерации мы не числимся. Руководители силовых структур о нас почти ничего не знают и приказов нам отдавать не могут. У каждого из нас имеется гражданская специальность и заlegenдированная биография. Что нам мешает жить, как жили, и делать, что делали? Бумажка, подписанная больным стариком?

– Ё-моё! – простонал Говорков. – Ты ведь командир, Лёня, за базаром своим следи! Не «бумажка» это, а приказ. И подписан он не каким-то «больным стариком», а Президентом! Нашим главнокомандующим!

Над костром повисла напряжённая тишина. Все ждали ответа подполковника и, по сути, решения своей дальнейшей судьбы.

– Чего ты кипятишься, Савелий? – спросил Звягин спокойно. – Я ведь не призываю тебя нарушать приказ. Если кажется, что после сборов ты должен уйти на покой, уходи на покой. Я обращаюсь не к тебе, а к тем, кому небезразлична судьба страны. И к тем, кто не хочет передоверить своё право решать эту судьбу людям, которые доверия не заслуживают.

– Хорошо сказано, командир, – Бояров отсалютовал наполненной кружкой. – Может, опрокинем стопарик по этому поводу?

Говорков отмахнулся от него, как от назойливой мухи.

– Вы все, я вижу, забыли, – сказал Говорков, – что любая операция требует не только наличия спецсредств, оружия и ваших кулаков, но и денег. Где вы бабки будете брать, а? Скинетесь с зарплаты? Или фонд учредите? Могу себе представить! «Фонд борцов с сепаратизмом и экстремизмом»!

– Напрасно иронизируете, Савелий Кузьмич, – снова вмешался в беседу Шамраев. – Если нужно будет, организуем и фонд. Не в первый раз. К тому же, любой конфликт – это столкновение интересов, в том числе и финансовых. И нам останется только выбрать ту партию, интересы которой совпадают с нашими собственными. И предложить ей свои услуги.

– Наёмники?! – Говорков выглядел загнанным в угол, но не сдавался. – Ты предлагаешь нам стать наёмниками?

– А почему бы и нет? – снова вступился за начхоза Звягин. – В конце концов, мы всегда были наёмниками – только платили нам люди, которые называют себя властью.

– Нам платил народ!

– А ты что, до сих пор веришь, будто служил народу?..

4.

«Стрелку» назначили на шесть вечера («На восемнадцать ноль-ноль», как выразился Строкач, со службы сохранивший привычку к точным дефинициям). Приехать раньше было нельзя – сочтут за признак слабости. Позже – тоже нельзя, сочтут за признание «неправоты». Так или иначе, но по «понятиям» на «стрелку» нужно приезжать вовремя. Поэтому когда до Угодий оставалось пять километров, а до назначенного часа – ещё целых девять минут, Строкач свернул с шоссе на обочину и остановил машину.

Расположившийся на заднем сидении Глеб Анатольевич Комаровский, учредитель, директор и фактический владелец банка «Ветрогорский кредит», одобрительно кивнул. Он уже приучился жить «по понятиям» и знал все тонкости этой замысловатой игры в законы по ту сторону законов. Однако даже знание тонкостей не способно ослабить естественный страх перед очевидной опасностью, и Глеба Анатольевича слегка знобило.

– Как там твои коллеги? Не подведут? – спросил он у Строкача.

– Не подведут, – лаконично отозвался начальник службы безопасности.

– Но ты всё-таки позвони им – поинтересуйся.

– Как скажете, Глеб Анатольевич.

Строкач взял в руку мобильный телефон, набрал комбинацию цифр и сказал:

– Здесь Третий. Готовы к приёму гостей?

Выслушав ответ, сложил трубку и спрятал её в карман.

– Ну как там? – Комаровскому явно не сиделось спокойно.

– Всё нормально, Глеб Анатольевич. Ребята на позициях. Пройдёт, как по нотам.

– Надеюсь... – Комаровский вздохнул и стал смотреть на лес за боковым стеклом.

– Не нужно волноваться, Глеб Анатольевич, – посоветовал Строкач, поглядев на отражение своего шефа в зеркале заднего обзора. – Расслабьтесь. За нами – армия.

– Знаю я вашу армию, – Комаровский снова вздохнул. – Телевизор тоже смотрю. Будённовск на днях сдали? Сдали. Басаева выпустили? Выпустили. Какая ж вы после этого армия?

Строкач остался невозмутим. Он был посвящён в подробности антитеррористической операции в Будённовске, оставшиеся за кадром официальной хроники, знал, какие и кем отдавались приказы, и не видел причин для переживаний по поводу столь громкого «провала» бывших коллег. Только добавил к уже сказанному, чтобы хоть как-то утешить шефа:

– Ветрогорск – не Будённовск, Глеб Анатольевич. А мы – не спецназ.

Банкир и начальник службы безопасности помолчали.

– А может, миром уладить? – размышляя вслух, спросил сам себя Комаровский. – Дать ему этот долбаный кредит...

– Поздно отступить, Глеб Анатольевич, – сказал Строкач. – Всё уже сто раз обговорено, план составлен, роли расписаны – чего уж теперь?

– Отзовёшь своих...

– Не получится, Глеб Анатольевич. Я же говорю, мы не в Будённовске. Ребята с позиций не уйдут. А если что-то пойдёт не по плану, положат всех.

– Что, и нас положат? – с нервным смешком уточнил Комаровский.

– Если понадобится, – очень серьёзно сказал начальник службы безопасности, – то и нас.

Комаровский не ожидал такого ответа. На какое-то время он потерял дар речи и только хватал воздух широко открытым ртом. Строкач, конечно, мог бы добавить, будто сказанное им – неудачная шутка, но решил, что шеф обойдётся: может, хоть это придаст ему решимости.

Начальник службы безопасности взглянул на часы.

– Время, – отметил он и положил ладони на руль.

Через четыре минуты приметное «вольво» Комаровского уже въезжало под сень деревьев, на опушку посреди леса, которой заканчивалась извилистая «грунтовка». Прежде сюда заглядывали туристы-«однодневки» из города: пожарить шашлычки, распить ящик водочки, попеть под гитару общеизвестные песни. Но в последнее время место это стало пользоваться дурной славой. Отправившись в воскресное утро на шашлык, здесь вполне можно было наткнуться на парочку мёртвых тел, наспех присыпанных землёй и срезанными ветками: кровавые разборки с применением холодного и огнестрельного оружия, ранее считавшиеся достоянием больших городов, докатились и до Ветрогорска. Поэтому когда посредник назначал место и время, в его словах крылся определённый намёк. Комаровский намёк понял как надо, но от встречи на «нейтральной территории» отказаться не посмел: слишком влиятельные лица были втянуты в переговоры.

На поляне валялась смятая банка из-под «Кока-колы». Другого мусора здесь тоже хватало, но банка бросалась в глаза. Строкач аккуратно подъехал, остановился так, чтобы банка оказалась под днищем и заглушил двигатель. Сквозь ветровое стекло он наблюдал, как на поляну с другого её края выезжает «мерседес».

Шик тоже прибыл минута в минуту. Но покидать свой автомобиль не спешил. Вальяжно дождался, когда водитель откроет ему дверцу, вальяжно вылез, вальяжно пошёл навстречу. Поднявшийся с низов, от простого автослесаря до главы мощнейшей группировки, жирующей на дани с Южного шоссе, Шик всячески (и поведением в том числе) подчеркивал свою нынешнюю значимость, свою нынешнюю принадлежность к сильным мира сего, любил демонстрировать свою новорусскую гордость и независимость.

Комаровский держался проще, но с достоинством. Строкач удовлетворённо отметил, что шеф взял себя в руки и выглядит «на все сто», как и подобает серьёзному бизнесмену, за которым стоят большие деньги и серьёзные люди.

Комаровский и Шик остановились в двух шагах друг от друга.

– Здравствуйте, Глеб Анатольевич, – сказал Шик, широко улыбаясь.

Сверкнули золотые зубы («Верх пошлости!» – подумал Строкач), а потому улыбка получилась неживой – словно улыбался не человек, а манекен.

– Приветствую, – отозвался Комаровский без всякой приветливости.

– Как поживаете?

– Не жалуюсь.

– Значит, хорошо поживаете, – Шик покивал. – А жена и дети? Здоровы?

– Может быть, перейдём к делу? – не дрогнул Комаровский. – Подозреваю, что вас мало интересует здоровье моих близких.

– Почему же? – Шик сделал вид, что обиделся. – Мне всегда интересны подробности жизни моих деловых партнёров.

– Мы не деловые партнёры, – напомнил Комаровский.

– А что нам мешает ими стать?

Пока Шик и Комаровский вели эту лёгкую словесную дуэль, постепенно подходя к главному, Строкач в очередной раз проанализировал диспозицию. Несмотря на то, что он примерно знал, где могут располагаться огневые точки, выделить их он не сумел. Не нашёл и оперативного командного пункта, хотя догадывался, что с него вся поляна должна просматриваться, как на ладони.

Закончив осмотр, начальник службы безопасности банка «Ветрогорский кредит» перевёл взгляд на Шика. «Оппонент» не выглядел опасным и беспощадным противником. Наоборот, он излучал дружелюбие, одновременно изображая своего в доску парня – искреннего и слегка глуповатого. Однако Строкач (и Комаровский, разумеется, тоже) прекрасно знал, кто скрывается за этой маской невинности, и иллюзий в отношении Шика не питал. С тех пор, как этот автослесарь сколотил свой первый миллион и купил «корону», ни один из бизнесменов Ветрогорска не мог чувствовать себя уверенным в завтрашнем дне. Шик (в миру известный под именем Константина Юсупова) считал, видно, своей обязанностью быть в каждой бочке затычкой. При этом команда Шика, набранная из таких же «отмороженных», как и он сам, действовала решительно, нагло, напролом, быстро завоевав себе репутацию беспредельщиков. Для одних эта репутация была свидетельством силы, для других – поводом позлословить о скором закате карьеры автослесаря. Но и те, и другие предпочитали не связываться, давая Шикю то, чего он от них требовал. Конечно же, долго это продолжаться не могло, раньше или позже коса найдёт на камень, но до этого времени ещё нужно было дожить. И желательно – с минимальными финансовыми потерями.

– ...Мне нужен этот кредит, – говорил тем временем Шик, глядя на Комаровского в упор. – Тут целый проект завертелся. Представьте: мотели, как в Америке, через каждую сотню километров, тут тебе и бензоколонка, и домики со всеми удобствами, и телефон, и ресторан...

«...И палёная водка, и девочки на ночь, и наркотики», – мысленно продолжил список Строкач, но мнения своего высказывать не стал.

– Я не понимаю только одного, – признался Комаровский. – Почему я должен инвестировать ваш сомнительный проект без гарантий получения прибыли?

Шик набычился и засунул руки в карманы. Неуловимым образом его дружеская улыбка превратилась в оскал хищника:

– Потому что вы даёте деньги не мальчику патлатому, а мне, Константину Юсупову. Ещё вопросы есть?

– У меня масса вопросов, – Комаровский остался внешне спокоен. – Например, в чём разница между Константином Юсуповым и патлатым мальчиком? Я, например, её не улавливаю.

– Следи за базаром, – угрожающе процедил Шик, лицо которого потемнело от гнева. – А то ведь не посмотрю, что банкир.

– Ага, – кивнул Комаровский; прямой вызов, как ни удивительно, придал ему сил. – Вот мы и вернулись к тому, с чего начали, – к угрозам. Вам никто не говорил, Константин Павлович, что так серьёзные дела не делаются?

– Я сам знаю, как мне делать мои дела, – огрызнулся Шик. – Значит, не хочешь похорошему? Хочешь по-плохому?

Комаровский покачал головой, и на его лице вдруг расцвела улыбка.

– Я банкир, – заявил он, – а не идиот.

– А я думаю, ты не банкир, – сказал Шик зло. – Я думаю, ты покойник.

Телохранитель Шика, стоявший правее и позади своего босса, сунул руку за отворот куртки. Но Строкач оказался быстрее. Телохранитель ещё только тянул из подплечной кобуры свой огромный «ТТ», а бывший старший лейтенант батальона специального назначения «Икс» уже упёр ствол «вальтера» в лоб Шика. Характерный щелчок предохранителя, переводимого в положение для стрельбы, довершил мизансцену.

Шик умел держаться. Наверное, именно эта редкая способность не теряться даже в самой критической ситуации и сделала заурядного автослесаря грозой Ветрогорска. На его одутловатом лице не дрогнул ни единый мускул. Вымогатель лишь застыл на месте, догадываясь, видимо, что за любым шевелением с его стороны последует выстрел.

– А я вас недооценил, Глеб Анатольевич, – медленно выговорил Шик. – Вы, оказывается, крутой.

– Никогда не нужно недооценивать противника, – с достоинством отозвался Комаровский. – Идём, Павел.

Повернувшись на каблуках, банкир зашагал к своему «вольво», а Строкач, подмигнув Шикю, спрятал пистолет.

– Ты за это ответишь! – крикнул Шик вслед Комаровскому.

– Отвечу, отвечу, – бормотал Комаровский, открывая себе дверцу и забираясь на заднее сиденье.

Строкач пошёл за шефом. Спина у него при этом чесалась так, словно за шиворот кто-то насыпал целую пригоршню блох. К счастью, в этой конкретной ситуации за свою спину Строкач был спокоен: даже если телохранитель Шика осмелится на выстрел, сделать он ничего не успеет. Однако Шик поступил иначе.

Когда до «вольво» оставалось около пяти метров, начальник службы безопасности банка «Ветрогорский кредит» слышал шум мощных двигателей, и на поляну с двух сторон выкатились четыре чёрных и похожих друг на друга, как две капли воды, джипа марки «чероки». Они развернулись и встали так, чтобы перекрыть противнику возможные пути отхода, а из салонов на траву начали выпрыгивать бритоголовые и широкоплечие ребята, одетые словно на гимнастическую разминку – в одинаковые спортивные костюмы от фирмы «Адидас». Впрочем, спортом здесь и не пахло – у каждого из этих ребят в руках имелось какое-нибудь оружие: от пистолетов до помповых ружей.

«Два, четыре, шесть, восемь, двенадцать, – быстро прикинул Строкач. – Плюс двое в машине Шика. Итого – четырнадцать».

Строкач остановился, не дойдя до «вольво» двух шагов. Сквозь приоткрытое боковое окно он увидел, как его шеф сжался на диване, словно прямо сейчас «пехотинцы» Шика примутся палить во все стороны. Но те, разумеется, не спешили.

– Мы не закончили, – громко сказал Шик. – Я очень советую вам вернуться и продолжить беседу.

Начальник службы безопасности банка «Ветрогорский кредит» оглянулся и посмотрел на вымогателя уже по-иному. Всё, что бывшему старшему лейтенанту рассказывали о бывшем автослесаре, оказалось правдой. Вероломный, насквозь лживый субъект. Не признающий правил игры. Думающий только о собственной выгоде. Ни в грош не ставящий человеческую жизнь.

Строкач в очередной раз похвалил себя за предусмотрительность. Если бы он хоть на минуту поверил в искренность Шика, лежать бы им с шефом сегодня под веточками.

Тем временем двое «пехотинцев» приблизились к «вольво». Один из них наставил на Строкача пистолет, в котором начальник службы безопасности без труда опознал старенький «ПМ»; другой – нацелил помповое ружьё модели «Рысь» на сидящего в машине Комаровского.

– Вам было приказано, – сказал тот, который с пистолетом, нехорошо улыбаясь.

– Пошёл ты... – скучно отозвался Строкач, и в то же мгновение началась стрельба.

Первая пуля, выпущенная из снайперской винтовки СВУ, на скорости 800 метров в секунду, попала в руку, сжимающую «ПМ». Кусок стали, заключённый в медно-никелевую оболочку, весом в 14 грамм раздробил кисть «пехотинца» и застрял в пластиковой щёчке рукоятки. На счастье «пехотинца», патроны, заряженные в магазин, не сдетонировали от удара, но и без того боль от нанесённого ранения была столь велика, что «пехотинец» выронил пистолет и громко завыл, прижимая покалеченную конечность к животу.

Следующая пуля расщепила приклад помпового ружья, выбив оружие из рук второго «пехотинца», и тот в недоумении завертел бритой головой, не понимая, видимо, что произошло. Его растерянность была легко объяснима: модифицированное дульное устройство снай-

перской винтовки поглотило звук выстрелов, и из всех возможных шумов нападение сопровождал только вой раненого.

Растерялись и остальные. Они недоумённо оглядывались вокруг в поисках врага, но видели только деревья и редкий кустарник. Строкач понимал, что это быстро закончится: не обнаружив противника, «пехотинцы» откроют огонь по «вольво» и тогда... Но начальник службы безопасности банка «Ветрогорский кредит» был здесь не один такой умный. Над поляной, перекрывая жалобы раненого, загрохотал усиленный мегафоном голос подполковника Звягина:

– Слушайте меня, подонки! Вы все под прицелом! Оружие на землю! Руки за голову и стоять! Если кто дёрнется, будем стрелять на поражение!

Слова, произнесённые даже самым суровым тоном, остаются словами, и на людей определённой категории они не производят никакого впечатления. Трое «пехотинцев» разом повернулись на голос, и их помповики выстрелили. Выпущенные залпом жаканы ушли в пространство, сорвав несколько листьев с деревьев.

Листья ещё кружились в воздухе, когда последовал ответный залп. На этот раз невидимые снайперы били на поражение. Завертелся волчком и упал на землю один из стрелявших. Хрипя пробитым горлом, рухнул другой. Третий попытался залечь, но пуля настигла его, и он задёргал ногами. Кровь ручьём лилась на траву.

Однако это был ещё не конец, а Шика и его бойцов ждало новое неприятное открытие. Совсем с другой стороны, из-за кустов, с тягучим воем и одна за другой вылетели две гранаты, выпущенные из автоматического гранатомёта АГС-17 «Пламя». Обе они попали в ближайший джип, и дорогостоящая машина в одно мгновение превратилась в груды полыхающих обломков.

Выронив оружие, «пехотинцы» попадали на землю. Один телохранитель Шика не растерялся, выполнив свои обязанности до конца. Он повалил босса в траву, а сам напрыгнул сверху, прикрывая его от пуль и осколков.

Наступила естественная пауза, тут же нарушенная мегафонным упрёком Звягина:

– Что же вы, придурки? Жить надоело?

Ему никто не ответил. До «пехотинцев» наконец дошло, что противник гораздо лучше подготовился к этой встрече.

– Хорошо лежите, – одобрительно подытожил Звягин. – Так держать.

Кусты с той стороны, откуда минутой раньше вылетели гранаты, раздались в стороны, и на поляне появились четверо в камуфляжных костюмах без знаков различия, но перепоясанных широкими армейскими ремнями. На лица всех четверых была нанесена маскировочная раскраска, и по своему виду новые персонажи разыгравшейся драмы походили на голливудских командос из второсортного боевика. С единственным принципиальным отличием – эти четверо были совершенно безоружны. Впрочем, они и не нуждались в оружии: противник был тише воды и ниже травы в самом буквальном смысле этого замысловатого выражения.

Начальник службы безопасности «Ветрогорский кредит» помахал «командос» рукой. Те приблизились, и один из них (невзирая на маскировочную окраску, Строкач легко опознал бывшего сослуживца – капитана Анатолия Давыдова), проходя мимо «вольво», улыбнулся Павлу и шепнул:

– Чего-то твой начальник загрустил – помоги человеку.

Строкач заглянул в приоткрытое окно автомобиля. Комаровский действительно нуждался в помощи. Он был бледен и мокр, напускная уверенность выветрилась без следа.

– Господи, – подавленно шептал банкир, – Господи, Господи...

Строкач наклонился к окну и мягко сказал:

– Успокойтесь, Глеб Анатольевич, всё уже закончилось.

Комаровский посмотрел на своего работника безумными глазами.

– Вы... вы... эти трое... там... вы... – банкир задохнулся от переполнявших его чувств.

– Да, мы их убили, – согласно кивнул Строкач. – Но если бы мы не убили их, они убили бы нас. Вам не в чем себя винить, Глеб Анатольевич. Шик сам нарушил договорённость. На любом «разборе» вас оправдают. Да и не будет «разбора».

– Но я не хотел этого! – вскинулся Комаровский.

– Никто этого не хотел.

Пока они беседовали, четверо в камуфляже обошли лежащих ничком «пехотинцев» Шика, подбирая разбросанные помповики и пистолеты. Давыдов к тому же наклонился к каждому из них и быстро ощупывал в поисках скрытого оружия. В какой-то момент произошла заминка: обыскиваемый «пехотинец» схватил капитана за руку, пытаясь взять на приём, но Анатолий, походя, ткнул его выставленными пальцами под кадык, и строптивец, булькнув, затих.

Не обошли вниманием и раненого. В момент главной стрельбы он убежал прочь от «вольво» и забился в старую заросшую воронку, всё так же прижимая к животу искалеченную руку и тихонько подвывая.

– Эх ты, болезный, – сказал Давыдов.

Он расстегнул клапан, достал из нагрудного кармана одноразовый инъектор с анестетиком, сорвал зубами колпачок и вонзил иглу в предплечье раненого «пехотинца». Завершив процедуру анестезии, капитан извлёк упаковку со стерильным бинтом и за пару минут наложил повязку.

– В городе покажешься врачу, – велел Давыдов пострадавшему, который смотрел на него сквозь слёзы, совершенно чужеродные на грубоватом лице. – Не переживай, до свадьбы заживёт.

Оставив раненого, Давыдов присоединился к остальным.

– Кажись всё, товарищ капитан, – доложил один из «коммандос», державший на весу сразу три ружья.

Давыдов дал отмашку рукой, и на поляне появился подполковник Звягин. Он тоже был в камуфляже и маскировочной раскраске, но облик его дополняли поясная кобура с пистолетом, полевой бинокль на груди и мегафон в правой руке. Подполковник сразу направился к лежащему Шик и поманил за собой Строкача. Они сошлись над поверженной тушей грозы Ветрогорска и пожали друг другу руки, словно солдаты союзных войск при встрече на Эльбе.

Потом Звягин слегка ткнул Шика носком высокого шнурованного ботинка и сказал:

– Пора вставать, господин Юсупов. И держать ответ.

Шик, повозившись в траве, нехотя поднялся на ноги, отряхнул колени и локти. Строкач увидел, что на обрюзгшем лице Шика появилась свежая и глубокая царапина, но это было единственное свидетельство произошедшего. Самообладанию бывшего автослесаря можно было позавидовать.

– Кто вы такие? – спросил Шик. – Милиция? РУБОП? ФСБ? Вы собираетесь нас арестовать?

– Неплохо бы, – сказал Звягин. – Но бессмысленно. Вас уже арестовывали. И неоднократно. И каждый раз выпускали. Мы не собираемся передавать вас в руки закона. Мы хотим лишь знать, кто или что даёт вам право распоряжаться в нашем городе...

* * *

Часом позже на одной из многочисленных автостоянок Ветрогорска припарковались бок о бок две машины: красное «вольво» Комаровского и новенькая «девятка» бежевого цвета. За рулём «девятки» сидел Игорь Шамраев. Одет он был в цивильное, обзавёлся бородой и усами, совершенно утратив при этом боевой вид.

– Здесь деньги, – сказал Строкач, передавая Шамраеву дипломат. – Полный расчёт для всех участников.

Шамраев кивнул, забросил дипломат на заднее сиденье «девятки», потом выпрямился и внимательно посмотрел на своего бывшего сослуживца:

– Ты уверен, что эта проблема решена?

Строкач весьма выразительно пожал плечами:

– Думаю, что да, но Шик может считать иначе. Впрочем, это уже моё дело.

– Твоё, – согласился Шамраев. – Но ты Звягина знаешь, он всё любит доводить до конца. Так что при случае предупреди Шика, что во второй раз беседы не будет – положим всех.

Строкач улыбнулся, вспомнив свой недавний разговор с Комаровским.

– Так и передам, – пообещал он. – Слово в слово...

5.

Старший редактор небольшого петербургского издательства «Артикул» Михаил Смирнов был известен среди своих сослуживцев тем, что умел собирать грибы в любую погоду и в любое время года. Свои «грибные места» он держал в секрете и всегда возвращался из леса с полными лукошками. Летом он приносил из леса знакомые и любимые всеми россиянами подосиновики, подберезовики, лисички; осенью – опята, грузди, волнушки; зимой – поздние маслята, грунтовые опята, вешенки; весной – сморчки и строчки. Кто-то из сослуживцев одобрительно относился к увлечению Смирнова, кто-то – презрительно, однако его грибы в соленом и маринованном виде обожали все без исключения.

Вот и на праздник 1 мая, когда все приличные люди расслабляются в компании себе подобных за столом с водочкой и закуской, Михаил с раннего утра отправился на Карельский перешеек, чтобы обойти с проверкой свои плантации, собрать очередной урожай и оценить перспективы на лето. Сойдя с электрички на станции Лосево и углубившись в лес, Смирнов в приподнятом настроении преодолел около шести километров, переходя с просеки на просеку по одному ему известным тропам, пока не выбрался на берег реки Вуоксы. По дороге он делал снимки на свой полупрофессиональный «Зенит», чтобы представить потом сослуживцам виды весеннего Карельского перешейка, или даже отобрать несколько для готовящейся выставки – Смирнов был честолобив и принимал участие в многочисленных фотовыставках, проходящих в городе. Улыбаясь, Михаил снимал кроны сосен, отражение берез в редких лужах, белку, сидящую на дереве, и зябликов, скачущих в подлеске.

Однако на берегу Вуоксы путешествие Смирнова было прервано самым неожиданным образом. Из зарослей справа и слева по ходу движения вдруг выдвинулись двое в полевой форме маскировочных расцветок, в высоких шнурованных ботинках и в касках, низко надвинутых на глаза.

– Стоять, – негромко приказал тот, что вышел справа.

Смирнов остановился, в недоумении вертя головой. Двое в форме подошли вплотную, и Михаил заметил, что на их лица, под стать форме, нанесена маскировочная краска. Это навело на определённые размышления. И хотя огнестрельного оружия видно не было, Смирнов уже не сомневался, что если будет нужно, оно сразу появится.

– Ходим? Фотографируем? – поинтересовался тот, который справа. – Шпион, что ли?

«Учения!» – догадался Смирнов, и на сердце у него полегчало.

Он почему-то полагал, что с военными всегда проще договориться, нежели с бандитами.

– Я художник, – сказал Михаил с достоинством. – Я фотографирую лес.

– А зачем его фотографировать? – спросил тот, который справа. – Это же не музей.

– Для меня – музей, – настаивал Смирнов.

Тут подал голос тот, который стоял слева.

– Лечь на землю! – распорядился он, словно пролаял. – Руки за голову!

Михаил растерялся, и тогда тот, который был справа, сделал резкое движение, и старший редактор издательства «Артикул» вдруг очутился на холодной земле, вытянувшись во весь рост и растеряв свои вещи: лукошко укатилось в одну сторону, фотоаппарат отлетел в другую. Было больно и очень обидно. А главное – непонятно, чем он заслужил подобное обращение.

– Обыщи его.

Ловкие руки прошлись по одежде Смирнова. На свет были извлечены две запасные фотопленки, складной перочинный ножик, туристическая карта из серии «По лесам и озерам Карельского», спичечный коробок, ключи от городской квартиры и служебное удостоверение старшего редактора, которое Михаил носил с собой вместо паспорта.

– Старший редактор... – констатировал голос над головой (как показалось Смирнову, разочарованно). – Так-так-так... Делать вам нечего, товарищ старший редактор, вот и попадаете в разные истории.

На памяти Михаила это была первая «разная» история, в которую он «попал», однако полемика по вопросу была в данном случае неуместна.

– Вставайте, – разрешил голос, и Смирнов не без труда поднялся.

Двое в форме и касках смотрели на него.

– Фотоплёнки и карта конфискуются, – объявил тот, который слева. – Советуем вам, товарищ старший редактор, вернуться на станцию. Идите прямо по этой просеке, через два километра будет грунтовка, по ней – направо и до упора. Вам всё ясно?

– Да, – помедлив, ответил Смирнов. – Мне всё ясно.

Тот, который стоял справа, вернул ему удостоверение, нож, лукошко, спички, ключи и разряженный фотоаппарат. Михаил принял свои вещи почти с благодарностью. Извечная российская привычка доверять и подчиняться людям в форме сыграла со Смирновым дурную шутку: он даже не подумал потребовать конфискованные вещи назад или попросить у этих «лесных братьев» предъявить военные билеты. С другой стороны, с двумя бугаями на лесной дорожке не поспоришь, будь ты хоть трижды адвокат и весь из себя правозащитник.

– Счастливого пути, – миролюбиво пожелал тот, который стоял слева.

– Спасибо, – поблагодарил Смирнов и пошёл по просеке туда, куда ему указали.

Через некоторое время его спина в яркой синей куртке затерялась среди деревьев.

– Ты думаешь, он чист? – спросил один из «лесных братьев» у другого.

– Чист, – кивнул его визави. – Пёрся, как медведь. Оделся приметно. «Легенда» дерьмовая. К тому же люди из Конторы в одиночку не ходят.

– В любом случае надо доложить.

– Доложись.

«Лесной брат» вытащил из нарукавного кармана миниатюрный мобильный телефон в противоударном футляре, ткнул кнопку вызова, потом тихо заговорил в микрофон:

– Был гость. По виду, полный грибник. Отправили к станции.

Выслушав ответ, он убрал телефон на место и взглянул на своего напарника:

– Информация принята. Приказ: занять исходную позицию, продолжать наблюдение.

– Понятно, – согласно кивнул напарник.

Двое «лесных братьев» сошли с просеки, мгновенно слившись с окружающим ландшафтом.

* * *

Если бы Михаилу Смирнову каким-то чудом удалось прорваться через круговое охранение, частью которого был встреченный им дозор, и пройти по берегу Вуоксы на пятьсот метров дальше, он не увидел бы ничего интересного, но зато был бы чрезвычайно рассержен тем

обстоятельством, что его грибные места топчет какая-то левая компания, которая не нашла ничего более умного, чем припереться сюда на автобусе «Икарус» и дюжине разнокалиберных автомашин, расставленных теперь в беспорядке, однако в непосредственной близости от большого костра, разведенного опять же от слишком большого ума.

Но то Михаил Смирнов – старший редактор маленького издательства. А вот если бы на его месте оказался офицер Федеральной службы безопасности и этому офицеру тоже каким-то чудом удалось бы обмануть бдительных дозорных, то он, несомненно, обратил бы внимание, что беспорядок в расположении машин – кажущийся; что компания вся, как на подбор, состоит из крепких мужиков; что мужики эти даже не пытаются изображать отдых на природе, а, разбившись на небольшие группы, негромко обсуждают какие-то свои очень серьезные дела. Наверняка, этот офицер заподозрил бы неладное, угрожающее национальной безопасности России и был бы прав на все сто. Потому что те, кто собрался сегодня здесь, в глухомани на берегу Вуоксы, не относились к праздношатающимся компаниям, устраивающим на уик-энд корпоративные вечеринки – здесь собрался командный состав воинского подразделения, о существовании которого не подозревали даже в Генеральном штабе. Особое же внимание гипотетическому офицеру ФСБ стоило бы обратить на четверых из этой компании, расположившихся на раскладных стульчиках в непосредственной близости от «икаруса». Потому что эти четверо вели беседу, от которой зависело, где и когда в очередной раз несуществующее подразделение «проявится». Звали этих четверых: Леонид Звягин, Александр Бояров, Игорь Шамраев и Савелий Говорков.

– ...Я сейчас тружусь в команде питерского губернатора, – попыхивая трубкой, рассказывал Говорков, бывший замполит батальона «Икс». – Проблем у нас, как ты понимаешь, выше крыши, а тут ещё северные соседи...

– Финны, что ли? – спросил Звягин, бывший командир батальона «Икс».

– Если бы финны... – Говорков вздохнул. – С финнами у нас всё тип-топ. Биармы заедают.

– А это что за звери? – удивился подполковник.

– Давно ты в Питере не был, – укорил Говорков. – Совсем оторвался от жизни. Есть у нас, видишь ли, к северу от Ладожского озера национальная республика, и живут в ней биармы. В девяносто восьмом там были очередные выборы, как раз после кризиса, и к власти, всем на удивление, пришёл некто Борис Брумман, лидер местного Фронта национального возрождения. И сразу объявил себя президентом республики Биармия. И курс определил – широкая автономия с постепенным выходом из состава Российской Федерации.

– Вы что там, совсем сдурели? – рассердился Звягин. – Это же Карелия, а не Осетия. Трудно найти управу на подлеца?

– Мы тоже поначалу думали, что нетрудно. А потом оказалось, что... э-э-э... наш Президент по материнской линии – биарм. А этот Брумман ему ближним родственником приходится. Оказалось, вопрос с Биармией решён уже давно и на самом высоком уровне.

– А через экономику душить не пробовали? – поинтересовался Шамраев, бывший начфин батальона «Икс». – Счета перекрыть, деньги из бюджета потерять?...

Говорков снова и тяжело вздохнул.

– Пробовали, – нехотя признался он после значительной паузы. – Но бесполезно. Им те же финны и норвеги помогают. От санкций в основном наши воинские части пострадали: голод начался, дезертирство повальное. Кроме того, через Биармию проходит железка на Север. И Брумман быстро наострился её в случае чего перекрывать – так сказать, по инициативе общестственности. Бабы какие-то безумные на рельсы ложились. Мальчишки себя наручниками приковывали...

– Сильный ход, – оценил Шамраев.

– Фигня всё это! – грубовато заявил Бояров, бывший замком и начштаба батальона «Икс». – Неужто ломает одного сепаратиста в дугу согнуть? У нас же сейчас борьба идёт за укрепление вертикали, за приведение к федеральным законам. Неужто некому стукнуть Президенту, что его родственник зарвался? Или вот ещё как. Этот Брумман наверняка на руку нечист, как все политики. Накопать материала, собрать в папочку и предъявить – Остапа Бендера забыли?

– Ты не поверишь, – сказал Говорков, – но он чист. Проверяли по всем каналам – чист! Не судился, не привлекался, на оккупированных территориях не жил. Взятки не брал и не берёт. Подарки ко дню рождения передаёт в Национальный музей Биармии. Борзых щенков отправляет на президентскую псарню. Живёт на зарплату и гособеспечение.

– Не может такого быть! – не поверил Бояров. – Не бы-ва-ет! Если даже он сам чист, взятки не берёт и секретарш не мнёт, наверняка, у него родственники есть, которые по-другому зарабатывают. Жена, небось, какой-нибудь фонд возглавляет или фирму. А там – безакцизная торговля или целевые инвестиции на бесконкурсной основе...

– Доложи, Савелий, биографию товарища Бруммана, – в шутовском тоне приказал Звягин. – Раз уж речь зашла, нам надо знать про него всё.

– Докладываю, – Говорков пыхнул напоследок табачным дымом и принялся чистить трубку. – Первая жена у него умерла четыре года назад в возрасте сорока шести лет, вторая – Инара Брумман – много моложе, ей сейчас двадцать пять, аспирантка исторического факультета Биармского университета.

– Ага! – сказал Бояров и победно оглядел сослуживцев.

– Ничего тут не «ага». Брумман – профессиональный историк и филолог, две докторские степени. Был приглашён на защиту дипломов, там и познакомился, всё чинно и мирно – через три месяца свадьба.

– А фонды?

– Нет никаких фондов. Аспирантка как аспирантка. Единственное – приспичило ей возродить какое-то женское историческое движение. «Йомалатинтис» называется.

– Ну и?

– Проверяли. Чинная контора. Аспирантки и домохозяйки. Существует на частные пожертвования. Инара его даже не возглавляет, а числится старшей одной из групп.

– А кто возглавляет? – не унимался Бояров.

– Инга Бьярмуле. Биармская знаменитость. Бард, сама пишет песни и поёт. Смотрели мюзикл «Стрелы Йомалы»? – офицеры покачали головами. – Хороший мюзикл. Эта самая Инга Бьярмуле сценарий написала. И стихи, и музыку.

– А деньги кто на постановку давал? – скаречно осведомился Бояров.

– Финская кинокомпания. Всё шло через Сбербанк. Так что и тут не подкупаешься.

– Здорово это у тебя получается, – позавидовал Шамраев. – Прямо с языка слетает. Иомалатис, Ёмала, Бьярмуле, – попробовал воспроизвести он, но махнул рукой.

– Если за дело возьмёмся, научишься, – пообещал Звягин. – Не сложнее, чем Хасавюрт или Урус-Мартан.

– А дети у вашего Бруммана есть? – продолжал гнуть свою линию Бояров.

– Два сына. Айн – старший. Рой – младший. Хорошие сыновья, правильные. Айн – биохимик, руководитель отдела на комбинате «Спираль». Рой пошёл по компьютерной линии, трудится в представительстве «Майкрософт», борется с расхитителями программного обеспечения.

Бояров развёл руками. Потом сказал с апломбом:

– Если на человека нет компромата, его нужно создать! Савелий, ты же в команде питерского губернатора трудишься – мне ли тебя учить?

– Пробовали, – ответил Говорков, – но эта Биармия – действительно какая-то аномалия. Были тут перевыборы в биармскую думу – вложили некоторую сумму, организовали кампанию на телевидении, и что вы думаете? Ни один наш кандидат не прошёл! Электорат на этого Бруммана буквально молится и делает всё, что он скажет. За кого скажет голосовать, за того и голосуют.

– Тогда хреновые ваши дела, – подытожил Бояров.

Офицеры помолчали, дожидаясь, пока Говорков раскурит свеженабитую трубку.

– Но проблема на самом деле не в Бруммане и не в Биармии. Я пригласил вас по другому поводу, а это лишь фон, историко-географический контекст, так сказать.

– Слушаем, – подбодрил его Звягин.

– Белгород, столица Биармской республики, стоит на реке Алонке, которую биармы вопреки карте называют Виэной, – продолжил свой рассказ Говорков. – В то же время Виэна – это граница республики, и на противоположном берегу расположился простой российский город Алонец. Спорной территорией является остров Бярма или Бьярма, который каждый из этих двух городов считает своим. Биармы говорят, что остров принадлежит им исторически. В незапамятные времена там стояла одноимённая крепость, откуда их народ и произошёл. Это, скорее всего, близко к правде – ещё в советские времена там раскопки проводились, и действительно какие-то фундаменты вскрыли. Брумман на них свою первую докторскую защитил. Жители Алонца, наоборот, говорят, что история о крепости Бярма – сказки для малышни, а географически – остров ближе к российскому берегу и, следовательно, принадлежит России и является частью Алонецкого района. На этой почве зрел, зрел и созрел межнациональный конфликт. Биармы и жители Алонца друг друга ненавидят. И на всех уровнях грызутся. Удивительно, как ещё до драки не дошло... Но, как и любой межнациональный конфликт, этот имеет под собой твёрдую экономическую основу. На острове стоит мощный биохимический комбинат «Спираль». Ещё в советские времена какой-то умник додумался воткнуть его туда, чтобы отходы спускать прямо в реку. Об исторической ценности места никто тогда не думал. В начале девяностых «зелёные» пытались комбинат прикрыть под предлогом защиты окружающей среды, да и переход на рыночные рельсы как-то не задался – в общем, дышала «Спираль» на ладан. И тут вдруг выяснилось, что одна из лабораторий «Спирали» разработала какой-то уникальный контрацептив...

– Чего? – переспросил Бояров.

– Контрацептивное средство. Это чтоб баба не понесла, когда ты ей вдуешь.

– А-а, понимаю. Гондоны, что ли?

– Тёмный ты, майор. Недоучка, – беззлобно упрёкнул своего заместителя Звягин. – Что такое безакцизная торговля знаешь, а что такое контрацептивы – нет. Совершенствовать свои познания нужно, книжки читать.

– Нет, речь идёт не о презервативах, – опроверг Говорков предположение бывшего сослуживца, дождавшись, когда офицеры замолчат. – Существуют и другие средства. Таблетки там, колпачки. Но всё это считается не слишком надёжным. А в «Спирали» придумали стопроцентно надёжное средство. И долгоиграющее.

– Как это? – Звягин тоже заинтересовался.

– Один укол, и можешь бабу трахать целый год – фирма гарантирует.

– Здорово! – оценил Бояров. – А кому укол-то?

– Бабе, бабе – успокойся. Там какая-то сложная формула и только на острове этот препарат могут производить. В воде, что ли, дело? Сам процесс называется «пре-це-пти-вна-я абдукция» и, говорят, опробован уже не только на мышах. Короче, грядёт очередная сексуальная революция. И это покруче будет, чем после «Виагры». А тут ещё китайцы подгрести. У них проблемы с принудительной стерилизацией, а ещё больше проблем с полутора миллиардным населением. А тут такое решение: и как бы стерилизация, и как бы у народа надежда остаётся,

что ему позволят ещё наследников нарожать. Денег, как вы знаете, у китайцев нынче куры не клюют, и пахивает уже не миллионами баксов, а миллиардами. Если не триллионами. А главное, что процесс бесконечный. Нефть когда-нибудь кончится, а желание трахаться без последствий – никогда. И каждый год извольте на укольчик.

– Чего-то я недопонимаю, – признался Звягин. – Если там такими большими деньгами пахнет, почему наши олигархи до сих пор ушами хлопают? Скупили бы акции, да и диктовали свою волю и Белогороду, и Алонцу.

– В том-то и дело. О результатах лабораторных испытаний мало кто знает. Пока только специалисты, но и они сомневаются, удастся ли пустить препарат в серийное производство. Дело в том, что придумал всё это некто Трофимов. А его в кругах биохимиков считают шарлатаном и мистификатором. Он когда-то в питерском Политехе работал и в Киришах – выгнали. Приняли только на «Спираль», да и то на должность лаборанта. Когда со спецами о нём разговариваешь, они руками машут. Что вы, говорят, с ним нельзя дел иметь. Создал себе репутацию. При таких рекомендациях ни один серьёзный человек денег в разработку не вложит.

– А почему тогда биармы забеспокоились?

– Очень просто. Как я уже говорил, старший сын Бруммана работает на «Спирали», возглавляет отдел. Что-то он там пронюхал. Или с самим Трофимовым поговорил. В результате – нашептал папаше, и тот загорелся. А из администрации Бруммана ушла утечка в Алонец, и там тоже все загорелись. Ведь если получится, можно так обогатиться, что никаким арабским шейхам не снилось. При этом ребята-политики ничем не рискуют. Деньги можно отстёгивать из бюджета по статье «Поддержка науки» и взятки гладки. Даже если Трофимову с Брумманом-младшим не удастся вывести препарат в серийное производство, всегда можно технологию китайцам продать – пусть дальше мучаются.

– Начинает проясняться, – кивнул Звягин. – А комбинат, значит, государственный и территориально ни к одному из городов не приписан?

– Точно, – подтвердил Говорков. – Понятно, что его будут раньше или позже акционировать и приватизировать, но кто будет играть главную скрипку в хоре, пока неясно. Тут кто съел, тот и успел. А кто не успел, тот опоздал... А теперь конфиденциальная информация. Из самого что ни на есть ФСБ. Брумман всерьёз намерен силой захватить остров. Под крылом его администрации выросло несколько военизированных организаций. Наилучшую подготовку имеют так называемые Силы самообороны Биармии, которые заявлены как добровольческая дружина в помощь милиции. Состоит она из бывших военных – офицеров Советской армии, которые съехались со всей страны по призыву Фронта национального возрождения. Все – сплошь биармы. Численность – тысяча человек. Вооружение – помповые ружья, газовые пистолеты. Возможно, в день акции они получают «макаровы» из милиции. Хотя и того, что у них уже есть, вполне достаточно для нейтрализации вневедомственной охраны комбината – там бабушки-старушки. В поддержку Силам самообороны, скорее всего, придадут качков из общества «Спортсмены Биармии». Численность – две с половиной тысячи человек. Этим оружием не полагается по статусу. Потому они используют резиновые дубинки и нун-чаки. Впрочем, качки на остров не пойдут – развернутся у моста и будут стоять ровными шеренгами в ожидании сигнала. Их подключат, если с другой стороны кто-нибудь пойдёт. Но, насколько мне известно, никто не пойдёт. У мэра Алонца нет своих вооружённых формирований, а чтобы собрать народ, потребуется время. Потому вместо народа выступите вы. Вашей задачей будет вышвырнуть Силы самообороны с острова и вернуть бабушек-охранниц на их законное место. А дальше политики сами разберутся.

– Хотя твой Брумман и весь из себя ангел с нимбом и крыльями, – сказал Бояров, когда Говорков сделал эффектную паузу, – но он явно сбрендил. Это же не политическая акция. Это самая настоящая военная операция с захватом государственного объекта. Их же оттуда вышвырнут. Если будет приказ, достаточно взвода солдат. И наше участие не потребуется.

Говорков вздохнул.

– В том-то и дело, Саша, что не будет приказа. Вопрос об урегулировании территориального спора уже второй год прокачивается через администрацию Президента. Есть основания считать, что если биармские вояки продержатся на острове хотя бы месяц, вопрос будет решён в пользу Белогорода.

– Задача понятна, – сказал Золотарёв. – Вышвырнуть биармов с острова. Кто выступает заказчиком? Ты? Губернатор Петербурга?

– Нет, – Говорков вдруг хитро подмигнул, но не стал мучить бывших сослуживцев загадками. – Заказчик – сам мэр Алонца. У него нет своих вооружённых сил, и он решил нанять «псов войны».

– Ага, – опять встрял Бояров. – А это что за тип? Тоже, небось, ангел шестикрылый?

Говорков улыбнулся.

– Этот – не ангел, – весело сказал он. – А как раз наоборот. Зовут его Пётр Петрович Колесничий. Профессиональный политик. Сначала был коммунистом, потом стал социал-демократом. Сидел в Верховном Совете РСФСР, потом – в Госдуме. Взятки берёт, во всяких тёмных делишках принимает активное участие. Залетел – страшно подумать! – на педофилии. В ходе расследования по делу о совращении малолетних был по запросу прокуратуры лишён депутатской неприкосновенности. Но как-то выкрутился. Бежал из Москвы в родной Алонец. Быстро освоился и пошёл в мэры. Обещал, как обычно, счастья для всех даром. Победил с небольшим отрывом. Два года мэрствует. Из города старается не выезжать. Часто посещает балетную школу.

– Ну и урод! – дал свою оценку бескомпромиссный Бояров. – Интересы этого поганца мы должны защищать?

– Не сердись, майор, – сказал Звягин. – Мы в конечном итоге интересы России защищаем. А поганцы на тронах всегда были, есть и будут. Такова уж у нас суть и природа власти.

– Кх-м, – кашлянул Говорков.

– Извини, Савелий, – повернулся Звягин к бывшему замполиту. – Я не хотел тебя обидеть. Но ведь и ты знаешь, что я прав.

– Прав ты, прав, – согласился Говорков. – Так вы берётесь за это дело?

– Сколько? – спросил Шамраев, который понял, что настало его время.

– Десять зелёных лимонов.

Шамраев зашевелил губами, подсчитывая что-то в уме.

– Я правильно понял: операция займёт месяц? – уточнил он.

– Не меньше полутора, – сказал Звягин. – Две недели на подготовку. И месяц будем остров охранять.

– Сколько людей задействуем?

– Всех, кого удастся высвистать.

– Тогда двенадцать лимонов, – свёл дебит с кредитом Шамраев. – Это чистый гонорар.

И три лимона на текущие расходы.

– Не много ли? – удивился Говорков.

– В самый раз. Я лишнего не прошу.

– Что ж, я думаю, господин Колесничий согласится. Когда вы будете готовы выступить?

– Подумать надо, помозговать, – отозвался Звягин. – Переварить ситуацию.

– И не только ситуацию, – Бояров в предвкушении потёр руки. – Наши рыбаки вернулись.

Офицеры зашевелились, оборачиваясь к реке, и увидели, как со стороны берега гордо шествует лейтенант Мазур в сопровождении пятерых помощников. На каждом был гидрокостюм, на правом плече висело подводное ружьё с гарпуном, а на левом – по огромной связке из ещё трепыхающихся рыбин. Вокруг началась весёлая суета, и уже был слышен бас Мазура,

который спрашивал, какого чёрта костры не горят, шампура не начищены и вообще ещё ничего не готово к приготовлению и потреблению свежайшей и вкуснейшей рыбы...

Глава 2

1.

Марк Айле, капитан Службы государственной безопасности Республики Биармия, заметно нервничал. Он был из последнего набора, свои лычки получил не за профессионализм или выслугу, а потому, что срочно требовалось заполнить вакансии в новом ведомстве, и брали всех, кто владел хоть какими-то навыками оперативно-следственной работы и не имел в личном деле пометки «Бывший сотрудник КГБ СССР». По существу, это было первое серьёзное дело новоиспечённого капитана, а потому генерал Феликс Керро, возглавлявший Службу безопасности, прощал ему явные проявления нервозности и неуверенности в себе: этот молодой человек всему ещё успеет научиться.

Переговоры с американцами должны были состояться в два часа пополудни, в одном из номеров на третьем этаже гостиницы под весьма затёртым в Белогороде названием «Биармия». Эти переговоры планировались как «сверхсекретные», но Керро пригласил на эту встречу Айле, потому что, во-первых, «безусловно полагается» на него, а во-вторых, «видит» в нём потенциального преемника. И то, и другое глава местного отделения СГБ высказал вполне определённо, прямым текстом, а потому Айле имел все основания не доверять ему и его словам – как не доверял он сотрудникам компетентных органов, когда был простым и совсем ещё юным сержантом советской милиции в должности участкового Первомайского района Белогорода. Таким образом, вопрос о том, зачем на самом деле генерал Керро пригласил его на эту встречу, оставался открытым, что совсем не прибавляло Марку уверенности.

Американцы – их было двое – проявили пунктуальность, придя вовремя. Керро заказал напитки в номер, а после ухода официанта повесил на дверь табличку «Не беспокоить». Пока суд да дело, американцы познакомились с Айле. Они казались вполне обыкновенными людьми самой заурядной, усреднённой, внешности, и понять, чем они занимаются по их одежде или по манере держаться, было решительно невозможно. Однако капитан Айле успел ознакомиться с краткими досье, которые начали составлять сотрудники отдела внешней разведки СГБ на каждого из этих двоих, и прекрасно знал, что эта простота обманчива, – перед ним стояли матёрые оперативники ЦРУ, действующие под прикрытием американского Госдепартамента. Они были примерно одного возраста и различались лишь комплекцией. Того, кто был пониже и поплотнее, звали Доминго Кларк. Второго, ростом повыше и в плечах пожиже, – Джон Чавез.

Представившись и пожав капитану руку, американцы уселись на диван и приготовились слушать. Генерал Керро вышел на середину комнаты с бокалом минералки в руках и с важным видом заговорил по-английски:

– Господа, наша встреча должна положить начало длительному и, надеюсь, продуктивному сотрудничеству между спецслужбами США и Биармии. Однако сотрудничество подразумевает выгоду для обеих сторон. Потому сегодня нам предстоит определить, что мы можем вам дать, и что вы можете предложить нам взамен. Наши дальнейшие действия будут напрямую зависеть от того, к каким договорённостям мы придём и какие цели перед собой поставим.

– О'кей, – сказал Кларк. – Давайте определим цели. Мы прежде всего заинтересованы в получении оперативной информации о происходящих в Биармии событиях. И хотим знать, насколько далеко ваше правительство готово зайти в деле установления государственного суверенитета. Вы должны чётко определить свою позицию по этой проблеме, поскольку она вызывает беспокойство в Госдепартаменте. Многие в нашем руководстве считают, что разговоры о

независимой Биармии – лишь политическая игра, способ давления на Москву с целью получения дополнительных инвестиций...

– Это ошибочное мнение, – отозвался Керро. – Вопрос о суверенитете будет решён в самое ближайшее время. Можете не сомневаться, Биармия станет независимой. Но, разумеется, нам придётся преодолеть сопротивление со стороны российских спецслужб, которые пойдут на любые провокации лишь бы не допустить этого.

– Пока что нам ничего не известно о таком сопротивлении, – вмешался в разговор Чавез. – Это и вызывает сомнения.

– Сопротивление будет, – заверил Керро. – Конфликт уже назрел, потому мы и обращаемся к вам за помощью. Соединённые Штаты Америки неоднократно демонстрировали всему миру, что готовы помочь любому народу, вставшему на путь самоопределения. Со своей стороны мы готовы оказать поддержку вашим начинаниям как в военной, так и в гражданской сфере. И первым нашим шагом станет освобождение Дональда Миллера.

Американцы переглянулись. Дональд Миллер тоже был оперативником ЦРУ. Его арестовали полгода назад прямо в центре Белогорода, в тот самый момент, когда он передавал пачку долларов человеку, которого считал своим агентом. В кейсе Миллера обнаружилась пачка документации на новейшую противокорабельную ракету, разработанную в одном из российских КБ, и завертелся шпионский скандал. Благодаря предприимчивости Керро, провалившегося оперативника удалось «отбить», и тот не отправился прямым ходом на Литейный проспект, а осел во внутренней тюрьме штаб-квартиры СГБ Биармии, но переговоры о его выдаче Америке затянулись, и дело шло к суду.

– Вы действительно готовы отпустить Миллера? – удивлённо спросил Кларк.

– Да, – кивнул Керро. – Хоть сегодня. Мы дадим ему двадцать четыре часа на то, чтобы он покинул страну.

– Вы позволите сделать пару звонков?

– Пожалуйста.

Кларк встал и, отойдя в дальний угол, начал набирать номер на «мобильнике». Чавез, оставшись на диване, широко улыбнулся и показал Керро большой палец:

– Отличное начало, господин генерал. Считайте, что мы договорились.

– Спасибо, – скромно сказал Керро. – Итак, мы рассчитываем на вашу помощь в игре против российских спецслужб. Но обмен информацией и совместное планирование операций ещё не всё, что нам потребуется. Мы просим обеспечить своевременное реагирование американских политиков и западных СМИ на происходящие события. Это очень важно для нас, ведь российские спецслужбы сделают всё, чтобы выставить Биармию гнездом террористов, которые якобы угрожают национальной безопасности России.

– Это очень непросто, – сказал Чавез. – До одиннадцатого сентября позапрошлого года мы легко организовали бы кампанию поддержки, но теперь, когда российский президент неоднократно заявлял о своей поддержке глобальной антитеррористической операции США, это очень непросто. Наши политики будут ждать реальных действий российской армии, направленных на подавление волеизъявления народа Биармии. Проще говоря, если завтра в Биармию введут войска, то послезавтра соберётся Совет безопасности ООН, который осудит агрессию. Но это означает и падение Бруммана. Разве ваши вооружённые силы способны оказать сопротивление в том же духе, как это делают чеченские сепаратисты?

– Вот мы и перешли ко второму вопросу, – сказал Керро. – Помимо политической поддержки, нам нужна военная...

– Об этом не может быть речи! – решительно заявил Кларк, который закончил переговоры по мобильному телефону и возвратился на своё место. – В настоящий момент Россия является нашим партнёром, и мы не станем портить с ней отношения даже ради вас.

– Мы не просим прямого военного вмешательства, – заверил Керро. – Но вот если бы вы прислали группу военных советников, которые помогли бы нам сформировать нашу армию по американскому образцу...

– Мы очень сожалеем, господин генерал, но это не в нашей компетенции. Подобная акция может быть осуществлена только в случае прямой угрозы свободе и жизни американских граждан, находящихся на территории Биармии.

– Но действия российских спецслужб могут создать такую опасную ситуацию, при которой никто из жителей Биармии не будет застрахован от того, чтобы не стать жертвой произвола или насилия.

– Но ведь пока не создали, – с намёком подчеркнул Кларк. – Отложим разговор о военной помощи до тех пор, пока не будет представлено доказательств злонамеренности ФСБ или российской армии. Мы очень благодарны вам за освобождение Миллера, однако существуют правила...

– Я понял вас, – медленно произнёс Керро. – Что ж, так тому и быть...

При этом он посмотрел на Марка Айле, и тому очень не понравился взгляд нового шефа.

2.

В своё время тридцатидвухлетний Дэвид Хольц, штатный корреспондент информационной компании «Си-Эн-Эн», выбрал Россию из других стран мира, потому что верил: именно здесь в ближайшее время произойдут события, которые изменят ход человеческой истории, именно на этих бескрайних просторах произойдёт столкновение цивилизаций – и Хольц хотел при этом присутствовать. Наверное, ему не следовало ходить на лекции Збигнева Бжезинского, который часто увлекался и выдавал свои стратегические прожекты за реальную перспективу.

Разочарование наступило очень быстро. Дэвид прибыл в Санкт-Петербург зимой 99-го года и застал самое настоящее «сонное царство». Россия пережила сильнейший шок, вызванный дефолтом, и ещё не совсем оправилась от него, пребывая в своеобразном посттравматическом состоянии. Казалось, и сами люди испытывают вялость и оцепенение, не могут поверить, что всё это произошло здесь и сейчас, а не в далёкой «банановой» республике, где, как известно, день не в день без кризиса и революции. Но самое ужасное заключалось в том, что, судя по всему, никто ничего не собирался менять. Старый и больной Ельцин остался в кресле президента. ФСБ и генералы молча стерпели очередное урезание бюджета и сокращение аппарата. Народ почему-то на улицы не повалил и баррикады строить не стал. Даже самая пострадавшая часть российского общества – бизнесмены и менеджеры средней руки – никак не продемонстрировали своего недовольства властью. Перемен не было, а ведь любые перемены – питательный бульон для новостей. И Хольцу грозило остаться без этого питательного бульона.

Но делать нечего – он заключил пятилетний контракт, и теперь поворачивать назад, требовать, чтобы его отправили в другую страну или хотя бы в другой город, было поздно. Он набрался терпения и включился в работу представительства со свойственной ему энергией.

Какие-то события в России всё же происходили, в Кремль пришёл новый президент, взорвались дома в Москве, разгорелась война в Чечне, затонула атомная субмарина, но Хольца, обосновавшегося в Петербурге, все эти события совершенно не касались. Бывшая столица Российской империи оставалась на периферии современных политических событий и борьбы с мировым терроризмом. А очередной скандал в Законодательном собрании, связанный с хищением бюджетных средств кем-то из депутатов, вряд ли мог заинтересовать американского зрителя. Даже звание «криминальной столицы» Санкт-Петербург никак не оправдывал, и Хольц быстро понял, что эту характеристику городу дали местные коллеги, которые, как выражаются сами русские, «ради красного словца не пожалеют и отца». Если уж кого и приходилось по-настоящему опасаться в северной Пальмире, так это как раз правоохранительных

органов – они умудрялись всегда появляться именно там, где в них менее всего нуждались, и тут же наводили «порядок».

Несмотря на отсутствие острых новостей, молодой тележурналист трудился во всю, подготовив более сорока репортажей с мест событий и написав около сотни статей для изданий, сотрудничающих с «Си-Эн-Эн». Он надеялся, что его рвение заметят, но из всех представленных материалов в эфир прошёл только тридцатисекундный репортаж об акции «Гринпис» на мусоросжигательном заводе, да ещё опубликовалась и многократно перепечатывалась серия статей о полуправильной сети магазинов, торгующих пиратскими дисками с музыкой, видео и программным обеспечением. Последнее, кстати, способствовало не столько введению экономических санкций, сколько своеобразной рекламе Санкт-Петербурга как города «свободного распространения информации», в результате чего появилась особая форма туризма – поездки за контрафакционной продукцией.

Всё это не внушало оптимизма. Карьеру на подобном материале не сделаешь, а уж о Пулицеровской премии – высшей награде для любого журналиста – и мечтать не приходилось.

Дэвид Хольц очень рассчитывал на близящееся трёхсотлетие Санкт-Петербурга. Это событие обещало вылиться в празднования, сопоставимые по масштабности и технической оснащённости с Олимпийскими играми. Однако в самый неподходящий момент, в начале мая, руководство представительства «Си-Эн-Эн» вдруг решило удовлетворить многочисленные просьбы Хольца о переводе в другой город и выписало ему командировку в какое-то захолустье – в провинциальный городок Алонец, расположенный к северу от Петербурга.

На резонный вопрос Хольца, чего делать в этом самом Алонце, если в Питере готовятся важные мероприятия с участием политической и деловой элиты мира, директор представительства непреклонно ответил, что по его сведениям «в Алонце будет интересно», но оператора почему-то не дал, сославшись на занятость группы.

Хольц собрал свои вещи, которые все поместились в один чемодан, и поехал в Алонец как в ссылку. Однако в любом самом неприятном событии можно обнаружить приятные стороны. Об этом Дэвид подумал, сойдя на перрон железнодорожной станции Лодейное поле и увидев в свете фонарей встречающих – бритоголового смуглого субъекта и прекрасную девушку, которая словно бы явилась из томных снов – оттуда, где самые смелые фантазии становятся реальностью.

– Рита Лани, – представилась она, протянув руку, а Дэвид даже не сразу заметил её жеста, совершенно захваченный неожиданной бурей чувств.

Что именно в ней очаровало прожжённого репортёра, коим считал себя Хольц? Может быть, эти брови вразлёт? Может быть, чувственные губы? А может быть, синие-синие глаза, в которые посмотри и утонешь?

– Извините... – пробормотал Дэвид, легонько пожимая тонкие пальцы Риты.

– За что вы извиняетесь? – удивилась девушка, обнажив в приветливой улыбке ровный ряд белоснежных зубов.

– Э-э... – Хольц замешкался, пытаясь вернуться на землю. – Я заставил вас ждать.

– Что-то я не пойму вас, Дэвид, – улыбка Риты из приветливой сделалась лукавой. –

Поезд пришёл вовремя, по расписанию.

– Э-э, я заставил вас ждать в другом смысле.

– В каком же?

Хольц растерялся ещё больше. Его оправдания звучали глупо, а подлинное объяснение прозвучало бы надменно – в итоге он не знал, что и сказать. Положение спас бритоголовый. Он вежливо кашлянул и придвинулся к Дэвиду, чтобы тоже поздороваться и представиться.

– Роман Ковач, – прогудел он сильным басом. – Спецкор «Бьярмскринглы».

– «Бьярмскринглы»? – переспросил Хольц с немалым облегчением от того, что можно сменить тему. – Мне казалось...

– Да-да, – перебила Рита. – «Бьярмскрингла» в переводе со старого языка означает «Летопись Биармии». Вообще-то так называется наш народный эпос, но поскольку современные новости когда-то станут историей, мы сочли возможным вынести это название в заголовок нашей газеты.

– Понимаю, – кивнул Хольц, пополнив список плюсов ещё и тем, что Рита безукоризненно говорила по-английски, а акцент её вполне можно было принять за нью-йоркский.

Бритоголовый Роман предупредительно отобрал у Хольца чемодан, и вся троица двинулась к зданию вокзала. Было далеко за полночь, и по привокзальной площади слонялись только таксисты, надеющиеся перехватить клиента с проходящего поезда, да вездесущие бомжи. Ближе к вокзалу светились лампами два киоска. В одном торговали пивом и водкой питерского разлива, в другом, к удовольствию Дэвида, – цветами.

– Подождите меня, – попросил он у своих спутников.

Быстрым шагом подошёл к цветочному киоску и, не торгуясь, купил букет роз. Вернулся и с полупоклоном вручил его Рите.

– О, Боже! – воскликнула она. – Зачем?

– Похоже, это любовь с первого взгляда, – с понимающей усмешкой и по-русски заявил бритоголовый Роман.

– Я понимаю русский язык, – сообщил Дэвид спецкору.

– Прощенья просим, – откликнулся тот без тени смущения на лице.

Хольц счёл за лучшее не углубляться в щекотливую тему.

Наконец они сели в «тойоту», и Роман, занявший водительское кресло, завёл двигатель. Ехали долго – почти два часа. Шоссейное покрытие было ужасным, машину то и дело подбрасывало на колдобинах, но Дэвид, проживший больше трёх лет в Петербурге, этому уже не удивлялся. Поразило его другое. Они могли ехать и десять минут, и двадцать, и тридцать, и сорок и даже час, но вдоль дороги стеной стоял совершенно дикий «дремучий» лес, и нигде не было видно жилья или хотя бы следов человеческого присутствия. В Америке, разумеется, тоже имелись места, где можно ехать часами, не встретив ни дома, ни бензоколонки, но это было вдали от мегаполисов, а здесь, всего в каких-то полтора-два милиах от крупнейшего города России, такая глушь!

По пути Рита Лани ввела Дэвида в курс происходящих событий. Картина вырисовывалась следующая. Давным-давно, когда между биармами и русскими ещё не было существенных разногласий, в Алонце появилась частная газета «Летопись Биармии». Почему в Алонце, а не в Белогороде? Потому что с началом приватизации государственной собственности именно в Алонце разорился и был выставлен на ваучерный аукцион издательско-типографский комбинат «Рабочее слово», который и приобрели местные предприниматели, решившие переориентировать производство на изготовление обоев. С тех пор утекло много воды, комбинат переходил из рук в руки, несколько раз объявлялся банкротом, пока его наконец не приобрёл белгородский бизнесмен, покровительствующий Фронту национального возрождения Биармии.

Газета «Летописи Биармии» не считалась официальным печатным органом Фронта, однако, как понял Хольц, в публикуемых материалах выражалось определённое сочувствие движению за независимость новоиспечённой республики. В результате, когда отношения между Алонцом и Белогородом из вялотекущего противостояния переросли в острый политический конфликт, газета оказалась в самом центре схватки – жители Алонца стали воспринимать издательство как форпост врага на своей территории, и редкий день для сотрудников редакции обходился без конфликтов с населением. В конце концов мэрия надумала закрыть издательство и газету под предлогом нарушения Закона о средствах массовой информации. Мол, «Летописи» разжигает межнациональную рознь и призывает к свержению существующей власти. Владельцу издания дали месяц на ликвидацию предприятия, он подал на мэрию в суд,

дело там завязло, а срок истекает через неделю. Были уже провокации. Один сотрудник газеты сильно избит и лежит в больнице. Неизвестные хулиганы сожгли два газетных киоска. Грузовик с тиражом последнего номера арестован и находится на штрафной стоянке ГИБДД.

– В общем, становится горячо, – призналась Рита. – Потому мы вас и пригласили. Мир должен узнать о том, что в Алонце нарушаются базовые положения конституции. О свободе слова я уж не говорю: у нас все давно забыли, что это такое.

– Понимаю, – кивнул Дэвид.

Он и сам почувствовал запах жареного и понял, что из всего этого можно вытянуть отличный репортаж. В Биармии назревал конфликт в духе Приднестровского противостояния, и он, Дэвид Хольц, будет первым, кто поведаст об этом конфликте миру. Стать случайной жертвой местных разборок он не боялся – может быть, потому, что никогда ещё не попадал в серьёзный переплёт, а может, и потому, что эта девушка, к которой он вдруг ощутил глубокое чувство, поразившее его самого, нисколько не боялась, рассказывая о «провокациях российских властей» спокойным, почти равнодушным голосом. Американским читателям-слушателям-зрителям будет наверняка наплевать и на Биармию, и на её независимость, но материал можно подать как очередное свидетельство произвола русских, мечтающих о возрождении Империи и не желающих прислушиваться к мнению малых народов. А такие репортажи всегда способствуют росту рейтинга. Если же дело дойдёт до войны, то совсем хорошо – можно будет претендовать и на полнометражный документальный фильм, и на полноценную книгу. А там смотришь, и фонд какой-нибудь учредят, и богатый Голливуд подтянется, и разработчики военных игр.

«Главное – с самого начала закрепить за собой монополию на новости из Алонца, – думал Хольц озабоченно. – Чтобы все знали, к кому обращаться за материалами и консультацией. А значит, нужно срочно вызывать операторскую группу...»

Меркантильные расчёты отвлекли его от Риты, а она продолжала говорить о том, что их редакционная коллегия намерена стоять до конца, даже если здание издательства будут брать штурмом и попытаются арестовать всех сотрудников. Дэвид пропустил эти слова мимо ушей и спросил не в тему:

– А скажите, этот ваш Брумман настроен серьёзно?

Рита сбилась, но тут же ответила:

– Да, Борис Брумман собирается сделать Биармию независимой республикой. И он достаточно волевой и целеустремлённый человек, чтобы реализовать свой план в полном объёме.

– Вот как? Очень интересно. А какую ориентацию выберет правительство Биармии после отделения от России?

– Брумман обещает скорейшее вступление Биармии в Европейский Союз и в НАТО.

– Отлично! А как будет решаться «русский вопрос»?

Рита вздохнула. Её явно волновали иные проблемы, нежели отдалённые перспективы развития независимой республики Биармия.

– Я не член Фронта национального возрождения, – призналась она. – Но насколько мне известно, Борис Брумман не является «непримиримым». Он сознаёт, что большинство биармов жили в России и ощущали себя русскими. Так же и русские, которые жили и живут в Биармии, не должны считаться людьми второго сорта. После провозглашения независимости и те, и другие получают равные права, гарантированные конституцией Биармии.

– А если они не захотят?

– Кто не захочет?

– Русские.

– Тогда им придётся покинуть Биармию.

– Великолепно!

– Что же в этом великолепного? – удивилась Рита.

Дэвид смутился. Он не хотел, чтобы девушка догадалась о его планах и прикидках – это выглядело бы некрасиво, ведь речь всё-таки шла о её народе. Впрочем, Дэвиду никогда не удалось бы получить место в «Си-Эн-Эн», если бы он не обладал способностью быстро находить правильные слова. Репортёр улыбнулся Рите одной из своих фирменных обезоруживающих улыбок и сказал так:

– Великолепны прежде всего вы, мисс Лани. А если говорить о русских в Биармии, то я думаю, всё образуется самым наилучшим образом, ведь Биармия – цивилизованная страна, не так ли?

– У нас с ними разговор будет простой, – прогудел со своего места Роман, всё это время прислушивавшийся к беседе. – «Чемодан, вокзал, Россия»!

– Не обращайтесь внимания, – быстро сказала Рита, смерив бритый затылок Романа неодобительным взглядом. – Иногда он совершенно невыносим. А грубит просто так – чтобы замечали.

– Но-но, – сказал спецкор «Бьярмскринглы» без малейшей, Впрочем, угрозы. – Ты говори, Рита, да не заговаривайся. У меня своё мнение тоже есть. А то, что вы мои статьи редактируете до полной неузнаваемости, ещё ничего не значит.

– В бухгалтерии ты не такой принципиальный, – заметила Лани.

Похоже, дело шло к ссоре между коллегами, и Хольц хотел было вмешаться, сменить тему, но тут бритоголовый Роман обронил кратко: «Вот и приехали» – и Дэвид действительно увидел впереди, за ветровым стеклом, огни города, вынырнувшие навстречу машине из чёрной бездны ночи.

Потом начались обычные для России приключения. Единственная гостиница Алонца оказалась закрыта – в буквальном смысле заперта на ключ. На торопливые настойчивые звонки вышел охранник в форменной куртке, окинул компанию мутным взглядом и объявил, что все места заняты, и нечего тут под окнами стоять.

– Поехали в «Биармию»? – предложил Роман. – Там сервис получше.

Поехали в «Биармию» – так называлась гостиница на той стороне реки, в Белогороде. И снова незадача: мост оказался разведён.

Чертыхаясь, Роман вылез из машины, подошёл к установленному перед въездом на мост ограждению и, как бы не веря собственным глазам, постучал по крашеному металлу кулаком.

– Вот блин горелый! – сказал он, вернувшись. – Его же в это время года не разводят.

– У вас и разводной мост имеется? – восхитился Хольц.

– Имеется, – отозвался Роман. – С этого берега до острова. И разводят его, как вы могли убедиться, в самый неподходящий момент.

– А если в объезд?

– В объезд долго. Доберёмся только к утру – уже и возвращаться придётся... Проблемка, – Роман помолчал. – Я-то могу и в машине переночевать, а вот куда вас девать? Может, у тебя, Рита, его поселим? – он посмотрел на девушку.

Лани замешкалась, а Дэвид почувствовал, что должен немедленно придумать, как помочь Рите выпутаться. Ему она очень нравилась, но в первую же ночь оказаться с ней в одной квартире, наедине, воспользовавшись естественным гостеприимством, – это слишком просто и словно бы взято из дамского романа стоимостью шесть долларов девяносто девять центов...

– А скажите, – обратился Хольц к Роману, – ваша редакция тоже на ночь закрывается?

Роман хлопнул себя по лбу:

– Ну конечно же! А вы согласитесь там переночевать?

– Считайте, что я сам это предложил, – ответил Дэвид с достоинством.

Рита просияла, а репортёр «Си-Эн-Эн» понял, что всё сделал правильно, и его шансы на взаимность резко возросли.

Роман тем временем развернул «тойоту» и повёл её по ночным улицам Алонца, прочь от реки и моста. Через четверть часа они въехали на площадь, освещённую фонарями. Хольц

увидел светящиеся окна и решил, что это и есть редакция. Но это оказалась круглосуточная аптека. Здание издательско-типографского комплекса находилось на другой стороне площади, и в его окнах было темно.

– На ночь остаются два охранника и дежурный редактор, – пояснил Роман, пока они шли от машины к зданию. – Дрыхнут, наверное. Утром, часов в семь, придут типографские работники. А к девяти и мы подтянемся.

– О'кей, – Дэвид кивнул. – А где предстоит ночевать мне?

– В приёмной у главного. Это на втором этаже. Там есть роскошный диван для посетителей.

Так оно всё и получилось. Заспанный охранник открыл дверь и проводил ночных гостей на второй этаж. Предложенный диван Хольца вполне удовлетворил, тем более, что к нему ссыкались подушка и плед. Корреспонденты «Летописи» чинно распрощались с американским тележурналистом и почти сразу ушли. Хольц выключил свет в приёмной, но ещё некоторое время стоял у окна, глядя с высоты на площадь. Он знал, что завтра утром его жизнь кардинально переменится, и хотел запечатлеть эти минуты в памяти навсегда, чтобы потом было с чем сравнивать и чем гордиться. Завтра он познакомится с членами редколлегии и спецкорами, узнает свежие новости и свяжется с офисом в Петербурге. Потом, вечером, удобно будет пригласить Риту в ресторан, предоставив ей право выбора, ведь он ещё совсем не знает города. А там – как получится. Однако уже сейчас Дэвид ощущал спокойную уверенность, что всё будет хорошо.

«Точка отсчёта, – подумал он, ложась на диван и укрываясь пледом. – Это новая точка отсчёта... Надо будет позвонить маме. Ей будет приятно услышать, что её сын снова в седле...»

С этой мыслью он уснул.

3.

Дэвида Хольца разбудил громкий звук разбившегося стекла. Он сразу сел и настороженно огляделся вокруг. В ту же самую секунду со звоном разлетелось второе оконное стекло, а по полу покотился кусок белого кирпича.

– Shied! – ругнулся репортёр «Си-Эн-Эн» и проворно вскочил на ноги.

Он пересёк приёмную, но подошёл к окну сбоку, опасаясь нового камня. С осторожностью выглянув наружу, Хольц увидел, что в рассветном сумраке по площади бродят какие-то люди. По одежде это были гражданские – наверное, местные жители. Некоторые из них собрались в группы, переговариваясь и покуривая. Другие держались особняком. Двое молодых людей в кожаных куртках стояли под самыми окнами. Они разворотили бордюр у клумбы и выбирали кирпичи. На глазах у Хольца один из молодых людей выпрямился и швырнул новый кусок кирпича прямо в тележурналиста. Но замах оказался слабым, и кирпич не долетел до цели, отскочив от подоконника. Дэвид инстинктивно отпрянул, но потом любопытство перебило, и он снова припал к окну.

Дальнейшие события развивались так. Из припаркованной на редакционной стоянке «тойоты» вылез бритоголовый Роман и грозно прикрикнул на хулиганов. Те не обратили на него внимания, и тогда спецкор «Бьярмскринглы» двинулся прямо на них. Однако добраться до молодых людей в кожанках у него не получилось. Из бесцельно слоняющихся по площади местных жителей вдруг выделилось две группы. Одна группа пошла наперерез Роману, вторая – к оставленной им «тойоте». Не прошло и минуты, как бритоголовый спецкор оказался окружён плечистыми субъектами самого неприветливого вида. Сообразив, что при соотношении один против шести выйти из схватки победителем вряд ли удастся, Роман быстро заговорил, указывая то на окна редакции, то на хулиганов с кирпичами. А затем неожиданно для всех сунул руку за пазуху и вытащил пистолет. Стрелять он ни в кого не стал, но вид оружия подей-

ствовал на окруживших его субъектов – они расступились, и Роман быстро зашагал к входным дверям издательско-типографского комплекса.

– Пидор биармский! – громко выкрикнул ему вслед один из плечистых.

В тот же момент вторая группа принялась крушить «тойоту». В руках местных жителей появились тяжелые арматурные стержни, и самый смелый из них с задорным гиканьем ударил стержнем по ветровому стеклу. Стекло хотя и покрылось трещинами, но выдержало этот первый удар. Но тут посыпались новые, и вскоре у «тойоты» не осталось ни одного целого стекла.

Роман приостановился, глядя, как рушат его машину, но тут один из молодых хулиганов бросил в него кирпич, попал в спину, и спецкор предпочёл ретироваться. И правильно сделал.

Через минуту Роман ворвался в приёмную, буквально трясясь от ярости.

– Отойдите от окна! – тут же потребовал он у Хольца. – Не хватало нам ещё, чтобы вас подстрелили. Но какие всё-таки уроды! – он нервно заходил по приёмной, потом швырнул на секретарский стол пистолет и сел в кресло, обхватив голову руками.

Дэвид взял оружие и сразу понял, что это газовый «пугач» – он хорош только в замкнутом пространстве, на открытом воздухе эффект от него близок к нулю.

– Нужно что-то делать, – сказал корреспондент «Си-Эн-Эн» Роману, возвращая пистолет на место. – Нельзя сидеть просто так.

– Ты прав, – согласился спецкор «Бьярмскринглы», подняв голову. – Нужно действовать.

Затем порывисто придвинулся вместе с креслом к столу и снял трубку телефонного аппарата. К удивлению Хольца, он не стал звонить в милицию, а сначала набрал номер нынешнего владельца издательско-типографского комплекса. Вкратце изложив ситуацию, он выслушал ответ, затем начал набирать новый номер. В течение пятнадцати минут Роман обзвонил руководство издания, и на лице его появилась торжествующая улыбка.

– Всё складывается наилучшим образом, – сказал он, заметив вопросительный взгляд Хольца. – Продержимся полчаса, а там из Белогорода ребята подтянутся.

– Какие «ребята»? – уточнил Дэвид, хотя и сам уже догадывался, о ком идёт речь.

– Из Сил самообороны, – честно ответил Роман. – Возьмут здание под охрану – ни один урод не сунется.

– А почему просто не вызвать милицию?

– Ты дурак или прикидываешься? Ясно же, что это не спонтанная акция, – за этими придурками стоят местные власти.

– Это я понимаю, – Хольц ничуть не обиделся на «дурака», видя, что Роман не в себе. – Но нужно подстраховаться. Чтобы не было потом вопросов.

– Логично, – кивнул Роман. – А ты, молодец, Дэвид, соображаешь... – он набрал на клавиатуре телефона 02 и снял трубку: – Милиция? Это из «Летописи Биармии» беспокоят. Какие-то хулиганы бьют наши окна. А другие хулиганы разбили мою машину – она стоит на площади Конституции. И собираются её поджечь... Моя фамилия? А зачем вам моя фамилия?.. А-а, ну понятно. Меня зовут Роман Ковач. Я штатный корреспондент «Летописи Биармии». Что вы сказали? Сам туда пошёл, козёл вонючий!

Роман бросил трубку на базу и улыбнулся Хольцу ещё шире:

– Я же говорил. Милиция в курсе. У придурков развязаны руки. Ничего! Наши ребята покажут им, где раки зимуют!

В приёмную вбежал охранник.

– Подошли рабочие типографии, – сообщил он с порога. – Но их не пускают. Хмыри встали у дверей и послали их на фиг.

– Пусть идут домой, – сказал Роман. – Сегодня хочешь не хочешь, а выходной. Я уже позвонил шефу. Скоро здесь будут наши.

– Здорово! – порадовался охранник.

Но его радость была преждевременной. Зазвонил телефон. Роман включил громкую связь, и все услышали сокрушительную весть:

– Роман, на нас не рассчитывай, – послышался из динамика волевой голос. – Мост разведён. И здесь целое столпотворение. Короче, мы застряли. Постарайся собрать тех, кто живёт в Алонце. Держитесь. Будем через четыре часа.

– Господи! – простонал охранник. – Они развели мост. Это подготовлено!

– Кого же я могу собрать? – растерялся Роман; прежнюю уверенность как ветром сдуло. – Из биармов здесь только корреспонденты.

– Так, я пошёл, – сказал вдруг охранник деловито.

– Куда это ты намылился? – спецкор «Бьярмскринглы» приподнялся из-за стола.

– Домой. У меня смена закончилась.

– Ты сбрендил? А кто будет дверь охранять?

– Не знаю. И знать не хочу.

– Ты соображаешь, что делаешь?

– Соображаю.

– Шеф тебя уволит, – пригрозил Роман. – Завтра, нет уже сегодня уволит!

– Пожалуйста, – спокойно отозвался охранник. – Мне моя жизнь и здоровье важнее, чем ваши пять тысяч «деревянными». Счастливо оставаться.

Он развернулся и вышел, оставив дверь открытой.

– Ну и катись! – крикнул Роман, стиснув кулаки. – Крыса!

Спецкор «Бьярмскринглы» тяжело опустился в кресло.

– Крыса, – повторил он с горечью. – Все они крысы. Бегут с тонущего корабля.

– Я могу чем-нибудь помочь? – предупредительно спросил Дэвид.

Роман внимательно посмотрел на Хольца, в глазах спецкора что-то промелькнуло, но потом он махнул рукой:

– Мы уже проиграли. А проигрывать следует с достоинством. Если хотите, оставайтесь – ни вас, ни меня эти ублюдки не тронут. Им другое нужно...

Вдруг с площади донёсся нарастающий вой множества сирен.

– Что это? – встрепнулся Дэвид и пошёл к окну.

На площадь въезжала колонна, состоящая из милицейских автомобилей и крытых армейских грузовиков. Когда машины остановились, из них на асфальт полезли спецназовцы в бронежилетах и защитных шлемах, с автоматами Калашникова наперевес.

– А вот и маски-шоу пожаловали, – прокомментировал Роман, вставший у Хольца за спиной.

Один из спецназовцев – по всей видимости, командир – достал из автомобиля мегафон и приказал местным жителям очистить площадь. В случае неповиновения командир пообещал открыть огонь на поражение. Местные жители не возражали. Бритоголовый Роман, конечно же, прав в своих подозрениях: погромщики и власти были заодно, а значит, их действия дополняли друг друга, являясь частями общего плана.

После того, как группы местных жителей отошли к аптеке, спецназовцы расставили посты, выгрузили из машин секции ограждения, и вскоре здание издательско-типографского комплекса было полностью заблокировано со стороны площади.

– Ловко у них получается, – признал Роман, в голосе его звучала тоска.

– Смотрите, – Хольц вытянул руку, – это, кажется, Рита?

И действительно через площадь, в обход грузовиков, тороплива шла Рита Лани.

– Блин горелый, – пробормотал Роман. – Её-то чего сюда принесло?

У ограждения Рита остановилась и заговорила с одним из спецназовцев. Тот покачал головой и отвернулся. Тогда Рита направилась к офицеру с мегафоном.

– У неё есть сотовый телефон? – волнуясь, спросил Дэвид. – Надо предупредить, сказать, чтобы уходила отсюда.

– А толку? – сказал Роман. – Она совершеннолетняя и не первый день в журналистике. Если пришла, значит, решила поучаствовать – теперь её и танком не прогонишь.

На объяснения с офицером девушка потратила минут пять. Наконец тому надоело препираться с настойчивой журналисткой, и он отдал распоряжение пропустить Риту внутрь здания. Дэвид побежал вниз по лестнице ей навстречу.

– Рита! – воскликнул он, едва заведя девушку. – Зачем же вы пришли? Здесь опасно!.. Лани посмотрела на него иронически.

– Не опаснее, чем в любом другом месте этого города, – заявила она с улыбкой. – Не переживайте, Дэвид, ещё ведь ничего не случилось. И, даст Бог, не случится.

Девушка взяла его под руку так уверенно, будто делала это всю жизнь, и они вдвоём пошли наверх.

– В приёмной выбили стёкла, – пожаловался Хольц.

– Я видела, – сообщила Лани.

– И всё равно пришли сюда? – поразился тележурналист.

– Да. А почему вас это удивляет?

– Вы отважная, – сказал Дэвид.

Рита остановилась, приподнялась на цыпочки и поцеловала репортёра в щёку. Судорожно вздохнув, Дэвид попытался обнять её, однако девушка сразу же высвободилась и побежала по лестнице.

Насупленный Роман ждал их в приёмной.

– Привет, – сказал он Рите. – Давно не виделись.

– Ты шефу звонил? – с порога спросила Лани.

– Звонил. Мост перекрыт. Застрали в пробке. Будут не раньше, чем через четыре часа. Типографских рабочих не пустили. Охранники, суки, сбежали. Так что, получается, мы остались втроём. Против придурков с ломанами и спецназа с автоматами.

– Это очень плохо, – заявила Рита.

– Сам знаю.

– Майор Карташов сказал, что штурма не планируется, но через час здание будет взято под полный контроль спецназом МВД.

– Майор Карташов? Это он там распоряжается?

– Он.

– Ты ему объяснила, что у нас ещё неделя в запасе?

– Объяснила. Но у него приказ. Говорит, в связи с участвовавшими случаями хулиганства и вандализма, имеющими «протестную основу», принято решение о немедленном прекращении деятельности издательства.

– Тогда нам ничего не светит, – признал Роман. – Если сам Карташов говорит...

– А кто такой майор Карташов? – поинтересовался Дэвид.

– О! – Рита оглянулась на репортёра. – Это великий человек. Его в Алонце каждая собака знает. Командует отрядом специального назначения. Я всего лишь три дня назад у него очередное интервью брала.

– Поэтому он вас и пропустил?

– Наверное...

Роман заёрзал.

– Хватит попусту трепаться, – перебил он Риту. – У вас есть какие-нибудь конструктивные предложения? Или нам остаётся только вручить ключи Карташову?

– Позвони Брумману, – предложила вдруг Лани. – Пусть он лично пригрозит Колесничему, что если спецназ не будет отозван, то он напишет письмо Президенту. Или пусть сам что-нибудь придумает – у него же есть способы давления на этого любителя малолетних.

– Ты не поверишь, – сказал Роман, – но Брумман почему-то не дал мне своего телефона.

– Свяжись с секретариатом!

Роман хмыкнул.

– Не думаю, что шеф глупее нас с тобой. Может, он уже связался?..

– Шефа здесь нет. И с Карташовым он не разговаривал. Как шеф может оценить серьёзность ситуации?

Роман всё ещё медлил, и тогда Рита подошла к столу и положила пальцы на телефонную трубку:

– Не хочешь рисковать? Тогда я позвоню Брумману сама.

Ей не довелось куда-нибудь позвонить. Загрохотали тяжёлые ботинки, и в приёмную ворвалась сразу трое спецназовцев. Настороженно поводя укороченными дулами автоматов, они осмотрелись. Потом двое из них встали у двери, а третий выступил вперёд.

Этот третий опустил автомат, снял с головы шлем и улыбнулся опешившим журналистам:

– Здравия желаю, биармы! Собирайте вещички и – домой.

– Мы никуда отсюда не уйдём! – отрезала Рита. – Вы не имеете права закрывать издательство. Это произвол, и о факте произвола скоро станет известно российскому Президенту.

– Вон вы как заговорили, – улыбка на лице спецназовца превратилась в оскал. – Сначала пишете всякие гадости о нашем Президенте, а чуть что, так сразу жаловаться ему? У меня приказ! – рявкнул он. – Очистить помещение!

Тут нервы у взвинченного утренними событиями Романа не выдержали.

– Пошёл ты в зад, гнида! – завопил спецкор «Бьярмскринглы», после чего схватил со стола свой газовый пистолет и нацелил его на спецназовца.

Дальнейшее произошло за какую-то секунду, но эта секунда отпечаталась в памяти Хольца на всю оставшуюся жизнь. Спецназовец уронил шлем и в то же самое время потянул висевший на плече автомат. Он выстрелил быстрее Романа, но дуло было направлено в другую сторону, и вылетевшая пуля попала Рите в живот. Всклипнув, девушка повалилась на спину, и все, находившиеся в приёмной, застыли, наблюдая, как она падает.

Роман выронил пистолет и бросился к Лани. Но Хольц успел раньше – он рухнул на колени, подхватил её под мышки, попытался поднять, но увидел тёмно-коричневую кровь на полу и понял, что его помощь, скорее всего, не потребуется.

– За что? – прошептал он, плача и не стыдясь своих слёз. – За что?!

– Я не хотел! – закричал спецназовец в отчаянии. – Я не хотел, это правда!..

4.

Лидер Фронта национального возрождения и всенародно избранный президент Республики Биармия Борис Брумман готовился приветствовать праздничную демонстрацию жителей Белогорода, стоя на трибуне, которую вот за две недели возвели на Садовой площади, рядом со зданием научной библиотеки. Разумеется, там он должен был находиться не один, а в целой компании, список которой утрясался раза в три дольше, чем строилась сама трибуна.

Марк Айле оказался в этом списке случайно и, можно сказать, в самый последний момент. Генерал Керро прислал его вместо себя сопровождать двух оперативников ЦРУ Кларка и Чавеза, которые в свою очередь и вполне официально сопровождали консула, прибывшего из Петербурга специально для обсуждения вопроса об открытии консульства в Белогороде. Находиться среди высокопоставленных чиновников республиканской администрации было для Айле впервой, и он чувствовал себя очень неуютно: мало ли, ляпнешь чего-нибудь,

потом век не отмоешься – потому он всё больше молчал, вёл себя скромно, слушал, что говорят другие.

Разговоры же по большей части были ни о чём. Чиновники администрации жались к консулу и выражали одобрение любому его косноязычному высказыванию. Брумман словно не замечал этого, попыхивая сигареткой в длинном мундштуке и разглядывая сквозь линзы стильного пенсне развевающиеся флаги – сегодня площадь украшали российский триколор и красные знамёна Советской армии.

– Праздник победы над нацистами – это великий праздник, – изрёк очередную банальность американский консул.

– Да, да, это великий праздник, – кивали чиновники.

– Соединённые Штаты Америки и Россия воевали бок о бок, чтобы победить нацизм.

– Да, да, это великая победа.

– Мы, американцы, помним о великом союзе Америки и России.

– Да, да, это был великий союз.

– А Биармия участвовала в великой войне с нацизмом? – спросил консул.

Этот вопрос поставил чиновников в тупик. Они зашептались, в глазах появилась тревога.

– Разумеется, участвовала, господин консул, – ответил за всех Брумман, полуобернувшись к американцу. – В те времена Биармия была частью Советской России, а следовательно, её сыны воевали на фронтах наравне с другими народами, населявшими эту страну. Наш вклад в великую победу ничуть не меньше, чем у русских. А вот, кстати, и наши герои...

Грянула музыка, и на Садовую площадь выпустили первую колонну, состоящую из ветеранов Великой Отечественной войны, проживающих в Белогороде и области. Все они были в новеньких мундирах, сшитых по специальному заказу Фронта национального возрождения, и при орденах, полученных в боях за Родину, которую когда-то они считали единой и неделимой.

К действию сразу же подключился популярный диктор местного телевидения, нанятый для ведения мероприятия, – его микрофон был установлен под трибуной.

– В первых рядах праздничного шествия мы видим наших уважаемых ветеранов, – провозгласил он торжественным баритоном. – Именно они пятьдесят восемь лет назад водрузили знамя победы над рейхстагом. И хотя поредели их ряды, они до сих пор остаются примером для нашей молодёжи, эталоном самоотверженности и любви к своей родине. Здоровья и долгих вам лет, ветераны Биармии! С праздником великой победы! Ура!

– Ура-а-а! – раскатисто прокатилось над колонной.

– Следом за ветеранами войны, – продолжал диктор, – на площадь выступают сотрудники наших доблестных правоохранительных органов. Вы видите тех, кто ежедневно и еженощно стоит на страже нашего покоя; тех, кто защищает нас от преступников и террористов, порой жертвуя самым дорогим – своей жизнью – во имя торжества законности и порядка. С праздником вас, храбрые служители закона! Ура!

– Ура-а-а!

Марк Айле едва сдержал смех. Он-то как офицер СГБ знал, что по случаю массовых гуляний, все «храбрые служители закона», способные носить оружие, с пяти утра на ногах и рассредоточены по городу для обеспечения порядка на местах. А в колонне идут в основном сотрудники секретариата, архива, да прокурорские работники, коих к пистолету или автомату подпускать опасно для их собственного здоровья. Но чиновники, стоявшие на трибуне, восприняли комментарий как должное.

Потом мысли Айле сменили направленность. Он подумал, что несмотря на все благоглупости, восстановление старой, ещё советских времён, традиции по устройению праздничных шествий – несомненно правильное дело; оно позволяет народу хотя бы на день почувствовать себя единым целым – обществом, у которого есть будущее и ясное представление о том, каким это будущее должно быть.

– Теперь на площадь выходит колонна Сил самообороны Биармии, – вещал меж тем диктор. – Это мужественные опытные офицеры, которые вернулись в Биармию из разных уголков России, чтобы служить своей исторической родине. Они – ядро и элита вооружённых сил независимой Биармии...

– А где же российские солдаты? – поинтересовался консул.

И снова чиновники замешкались. И снова им на помощь пришёл президент Брумман.

– На территории республики не осталось российских гарнизонов, – ответил он, попыхи-вая сигаретой. – Действуют только пограничные заставы. Но командование округом отказалось предоставить военнослужащих для участия в параде.

– Получается, – заметил консул, – что ваши Силы самообороны – фактически единственное формирование, способное вести военные действия в республике.

– Совершенно верно, – подтвердил Брумман. – Потому они комплектовались из бывших кадровых офицеров. Среди них есть даже те, кто воевал в Афганистане, и позже – в Чечне.

– Excellently! – сказал консул, и все чиновники закивали.

Айле не знал, чего «превосходного» в том, что Биармия осталась без защиты со стороны российской армии, но его мнения здесь никто и не спрашивал.

Офицеры Сил самообороны были одеты в форму, пошитую на американский манер. Однако в отличие от американских военных, погон они не носили, а в качестве знаков различия использовали «лычки» – узкие нашивки на воротниках, различающиеся по цвету. Айле рассказывали, что многие офицеры ворчали по поводу этих лычек, но таково было решение самого Бруммана, и ворчунам оставалось довольствоваться тем, что при приёме в состав Сил самообороны им автоматически повышали звание и выплачивали соответствующее довольствие.

Проходя мимо трибун ровными колоннами, офицеры по команде старшего разом повернули головы и взяли под козырёк, что вызвало необычайный восторг у публики, наблюдавшей за шествием с тротуаров. Взрослые радостно закричали: «Ура-а-а!», а дети замахали синими флажками с изображением крепостной башни, более похожей на стилизованную шахматную ладью, – неофициального герба Биармии.

– Excellently! – повторил консул.

– За нашими доблестными офицерами идёт колонна спортсменов, – объявил диктор. – Они представляют общество «Спортсмены Биармии». Они лучшие из лучших. Когда-нибудь именно эти молодые ребята станут чемпионами Олимпийских игр, установят новые мировые рекорды, привезут в Биармию золото и серебро спортивных побед. Да здравствует общество «Спертсмены Биармии»! Ура!

– Ура-а-а!

И по поводу спортивного общества у Марка Айле имелось особое мнение, которое на публике лучше не озвучивать. Капитану СГБ было хорошо известно, что руководство этого клуба менее всего заботит «золото и серебро побед»: под его крышей собирались всякие тёмные личности и микроцефалы с начальным образованием, но огромными мускулами, которые занимались чем угодно, кроме подготовки к спортивным состязаниям. Кроме того, СГБ негласно курировало деятельность «Спортсменов», и каждый второй в штате клуба числился «сексотом» и готов был выполнить любой приказ своего «куратора». Проще говоря, если бы диктор, стоявший у микрофона под трибунами, объявил, что на площадь выходит колонна профессиональных «провокаторов», он был бы недалёк от истины.

А праздник продолжался. Вслед за спортсменами-провокаторами на площадь вышла колонна женского общества «Йомалатинтис», возглавляемого Ингой Бьярмуле. У этих тоже была своя форменная одежда – строгие костюмы в стиле «бизнес-вумен», но с длинными, почти до пят, юбками. Сверху видно не было, но Айле знал, что в дополнение к костюму у каждой из «йомалатинтис» слева на груди имеется значок принадлежности к обществу – стрела с овальным наконечником, украшенным изображением глаза. Этот символ был прямым взят

из «Бьярмскринглы», а сами стрелы считались неперменным атрибутом воинственной богини Йомалы – примерно, как молнии у Зевса.

– ...Взгляните на них! – заходился в пароксизме чувств диктор. – Вчерашние домохозяйки, секретарши, учительницы, медсёстры – тихие труженицы и матери наших детей – почувствовали свою ответственность перед грядущими поколениями и объединились в историческое общество, целью которого является восстановление исконной культуры Биармии. Именно им предстоит написать труды и учебники, в которых будет рассказываться о подлинной истории и традициях нашего народа...

«А Брумман скромн, – внезапно подумал Айле. – В каждом из комментариев так и тянет добавить что-нибудь о мудрости президента, который всё своё время тратит на решение проблем ветеранов, борцов с преступностью, офицеров Сил самообороны, спортсменов и домохозяек. Наверняка, так и было в исходном тексте, и наверняка, эти дифирамбы сам же Брумман и вычеркнул...»

Марк не успел решить, украшает ли скромность президента, поскольку его внимание привлёк мощный, нарастающий с неба гул.

– Разве мы заказывали авиацию? – удивился Брумман, обращившись к секретарю-референту.

В этот момент низкие облака продавила туша вертолёт «Ми-24», на фюзеляже которого красовалась огромная красная звезда. Вертолёт завис над площадью, и тут же заработала пушка на его подвеске. Тридцатимиллиметровые снаряды с сокрушительным визгом разорвали воздух над трибунами. Все, кто стоял там, повалились друг на друга, а невидимый стрелок продолжал поливать огнём здание научной библиотеки, превращая его свежеевыкрашенный фасад в лунный пейзаж. На площади началась паника. Колонна «Йомалатинтис» разбилась, «бывшие домохозяйки» с криками и плачем побежали в толпу, но и сама толпа обезумела, смела редкое оцепление милиции и, топча упавших, устремилась к проспекту Патриотов, откуда выходили праздничные колонны.

Марк Айле не видел ничего этого. Он скорчился на дощатом полу и смотрел на американского консула, который лежал на спине и с перекошенным от ужаса лицом наблюдал за боевым вертолётном.

Всё закончилось разом, вдруг. Пушка прекратила стрелять, а «Ми-24» сразу же начал набирать высоту, пока вновь не скрылся за облаками.

Айле привстал, огляделся и увидел агента Чавеза. Как ни странно, на лице оперативника ЦРУ не было страха – он сидел на корточках и улыбался...

5.

– ...И как тебе понравился этот спектакль? – спросил Кларк.

Двое агентов Управления тайных операций Оперативного Директората ЦРУ стояли на балконе гостиницы «Биармия», любясь огнями вечернего Белогорода. На вопрос коллеги Чавез пожал плечами.

– Похоже, они считают нас полными идиотами, – сказал он. – Насмотрелись голливудских фильмов и вообразили, что мы их тоже смотрим. Кто, интересно, додумался намалевать такую звезду на фюзеляже вертолётном?

– Какая разница? – Кларк искоса взглянул на приятеля. – Главное, что они своего добились: консул чуть в штаны не наложил.

Чавез тихо засмеялся, вспоминая.

– Следует отдать должное нашему другу Керро, – продолжал Кларк. – Он провернул блестящую операцию. И очень вовремя.

Чавез вдруг посерьезнел:

– Что мы напишем в отчёте?

– То, чего от нас ждут. Пора запускать операцию. В конечном итоге, это выгодно не только биармам, но и нам...

Глава 3

1.

Двенадцатого мая, утром, в столицу Биармской республики прибыли два человека.

Один из них – назовём его, к примеру, Туристом – приехал на рейсовом междугороднем автобусе из Петрозаводска.

Второй – назовём его Бизнесменом – добирался своим ходом: на принадлежащем ему джипе «чероки» он миновал Лодейное Поле, там свернул и по трассе Е-105 въехал в Алонец, пересёк по мостам реку Алонку-Виэну и остановил машину у первой же бензоколонки. Заправив топливный бак, он приобрёл в киоске карту города и свежий выпуск еженедельной газеты «Недвижимость».

В ту же самую минуту Турист снял номер на четвёртом этаже гостиницы «Озёрная», закинул туда небольшой чемодан с вещами и, вооружившись цифровым фотоаппаратом, отправился осматривать город. Для начала он посетил музей в Старом центре, который раньше назывался «краеведческим», а ныне приобрёл гордое звание «национального». В музее Турист оплатил экскурсию и целых сорок минут слушал лекцию о новейших исторических изысканиях президента Бруммана. При этом он непрерывно щёлкал своим фотоаппаратом и что-то записывал в блокнот. Если бы блокнот Туриста попал в чужие руки, то посторонний человек мог бы прочесть следующие записи:

«Иоакимовская летопись: „Буривой, имея тяжку войну с варяги, множицею побеждаше их и облада всю Бярмию до Кумени. Последи при оной реце побежден бысть, вся свои вои погуби, едва сам спасеся, иде во град Бярмы, иже на острове сый крепце устроенный, иде же князи подвластнии побываху, и тамо, пребывая, умре“.

Шведский историк Олаус Магнус: «Биармия – северная область, zenитом которой служит сам Северный полюс, а его горизонт составляет равноденный и равнонощный круг, который разрезая и разделяя Зодиак на две равные части, делает так, что половина года составляет там один день, а другая – ночь; таким образом, год в этой стране длится один естественный день».

Президент Борис Брумман: «Бярмия и Бярма – страна и город на острове – одно из древних наименований северных территорий России – до Полярного Урала и дальше»...»

И так далее. Подобные записи ничего не говорили о Туристе – разве, что он человек обстоятельный, въедливый, внимательный к мелочам и привык досконально изучать интересующий его предмет или явление.

Выйдя из музея, Турист ещё погулял по Старому центру, фотографируя всё подряд и громко восхищаясь архитектурой конца XIX века. Затем на полтора часа осел в зале ресторана «Стерлядь золотая», оформленном в русско-купеческом стиле, плотно пообедав и сдобрив употреблённые блюда водочкой.

Бизнесмен не проявил интереса к местным достопримечательностям. Он выписал из купленной газеты адреса биармских агентств недвижимости и принялся колесить по городу. В конце концов он остановился на агентстве под звучным названием «Метры», припарковал машину и, войдя в офис, потребовал директора. Ему ответили, что директор не встречается с клиентами. Тогда Бизнесмен назвал суммарную площадь, которую он намерен приобрести в Белогороде и окрестностях, после чего директор самолично вышел ему навстречу и, лгливо улыбаясь, повёл в свой кабинет. Там Бизнесмен сообщил, что собирается открыть в Биармии не менее десятка магазинов и баз проката «Охота-рыбалка» в развитие сети, уже давно и успешно работающей в Петербурге. Кроме того, ему нужно помещение под центральный офис. Кроме

того, ему нужно не менее пяти жилых квартир в центре города для старших менеджеров, которые приедут налаживать торговлю.

– Мы следим за новостями, – сказал Бизнесмен. – Мы уверены, что очень скоро Белогород станет одним из центров активного туризма.

– Да, да, – подтвердил директор, он даже порозовел от предвкушения грядущих барышей. – Когда вопрос о независимости будет решён, правительство собирается открыть границу для европейцев. А у нас такие прекрасные места: леса, озёра, реки. Это же Карелия! Вы очень вовремя, господин... э-э-э...

– Ивановский, – представился Бизнесмен. – Вот моя визитка.

– Когда поедём посмотреть объекты, господин Ивановский? – осведомился директор агентства, изучив визитку: это был простой клочок картона, без полиграфических излишеств, что говорило о высоком социальном статусе клиента – только солидные люди могут себе позволить обходиться без излишеств.

– Прямо сейчас, – отозвался Бизнесмен. – А чего время терять?..

Пока Бизнесмен в сопровождении директора «Метров» осматривал «объекты», Турист закончил обед и вышел из ресторана в приподнятом настроении. Дальнейший его маршрут по городу был столь же замысловат, сколь и бессмысленен. По крайней мере, он должен был показаться бессмысленным любому стороннему наблюдателю. Турист миновал Старый центр, постоял на Садовой площади, явно заинтересовавшись лихорадочными работами по ремонту здания научной библиотеки, потом пошёл по проспекту Патриотов, не преминув заглянуть на городской рынок. С рынка он свернул на Торговую улицу и уже по ней добрался до Майской набережной. Там Турист пятнадцать минут посидел на скамейке, глядя на реку, остров и мост, выкурил сигарету, сделал несколько снимков и двинулся дальше. С Майской набережной он повернул в Перевозный переулок, который вывел его на Угловую улицу. По ней Турист гуляючи вышел в «консульский» квартал, а уже оттуда попал на Рыночную площадь, окружённую массивными зданиями республиканской администрации. Где-то там, в одном из этих зданий, находился и кабинет президента, и, возможно, сам Борис Брумман стоял сейчас в задумчивости у окна, решая важные государственные проблемы. Однако внимание Туриста больше привлекла старая могучая башня, возвышавшаяся прямо в центре площади. В основании башни был устроен вход, над которым висла металлическая вывеска, набранная псевдоготическим шрифтом: «Пороховая бочка». Турист обошёл башню, сфотографировал её, потом направился внутрь.

Внутри башни обнаружился пивной ресторан. Обслуживание велось на всех трёх этажах, включая открытую площадку на плоской крыше, окружённой зубчатой стеной. Турист поднялся на самый верх, сел за свободный столик и полистал меню. Цены здесь кусались, но и место было соответствующее.

– «Пороховая бочка», – пробормотал Турист. – По законам жанра, если на авансцене стоит пороховая бочка, она должна взлететь на воздух.

– Что вы сказали? – спросил официант, подошедший к столику.

– Хочу сделать заказ, – отозвался Турист. – У вас тут в меню есть фирменное пиво «Пороховая бочка». Пол-литра для начала. И фисташки.

Не в правилах Туриста было слоить пиво на водку, но раз уж пришёл в бар, поздно давать отступного.

В это же самое время, в двух кварталах от Рыночной площади, Бизнесмен осматривал помещение под офис. Он уже выбрал четыре квартиры из предложенных девяти. И директор агентства «Метры» при этом заметил, что господин Ивановский отдаёт предпочтение старым домам, постройки начала XX века, и квартирам, имеющим выход на «чёрную» лестницу. Помещение под центральный офис Бизнесмен выбрал на Рождественской улице. Директор одобрил его выбор. С одной стороны, это была самая длинная улица города (если не считать, конечно,

проспект Патриотов за улицу), с другой стороны – на неё были завязаны практически все магистрали города, ведь Рождественская выводила на трассу республиканского значения. Именно здесь и стоило разворачивать сеть магазинов «Охота-рыбалка», поскольку любой, желающий попасть из Белогорода в Биармию и, что называется, «слиться с природой», раньше или позже оказывался на Рождественской.

– Беру, – подытожил Бизнесмен, которому недавно отремонтированное помещение на первом этаже пристройки к «брежневскому» дому явно пришлось по душе; потом он посмотрел на часы и предложил: – Время ланча. Предлагаю прерваться и отведать местной кухни. Что вы посоветуете?

– Тут неподалёку есть ресторан «Фрегат», – ответил директор «Метров». – Очень фешенебельное заведение.

Туда они и направились.

Турист наконец-то допил фирменное пиво, отметив его высокое качество, и отправился дальше. До наступления вечера он успел побывать у здания Министерства внутренних дел республики, опиравшегося на множество колонн, а потому напоминающего гигантскую сороконожку. Затем полюбовался на построенную в модернистском стиле штаб-квартиру Фронта национального возрождения. Пофланировал по Подгорной улице, считающейся в среде биармских богачей престижной, а потому сплошь застроенной новенькими частными домами за высокими заборами. Посетил городской стадион, понаблюдав за тренировкой атлетической секции общества «Спортсмены Биармии». Оттуда вышел к вокзалу, где изучил расписание движения электричек и даже принял участие в «беспроигрышной лотерее», устроенной прямо на перроне двумя юными проходимцами. Оставив проходимцам три сотни, но ничуть от того не расстроившись, Турист покинул вокзал и, отойдя от него на квартал, поймал «частника» на «девятке».

– Везите в «Бешеный децибел», – распорядился он, откинувшись на заднем диване.

«Частник» покружил по улицам и высадил клиента у диско-бара «Ивушка».

– Это «Бешеный децибел»? – усомнился Турист, изучая вывеску.

– Он самый, – подтвердил водила. – Это наша молодёжь так «Ивушку» называет.

– Ясно, – сказал Турист и накинул «частнику» десятку к гонорару.

Вечер он провёл в «Ивушке» и быстро понял, почему исконное название диско-бара в народе не прижилось.

Бизнесмен в компании директора «Метров» просидел час в ресторане «Фрегат», по ходу обеда выяснив, на какие места в республике стоит обратить внимание в смысле размещения там туристических баз, а о каких лучше сразу забыть и не вступать по их поводу в переговоры, какие бы золотые горы не сулили ушлые торговцы недвижимостью.

– Например, – говорил директор, – есть у нас северо-западнее Белогорода, километров семьдесят по трассе, озёра, которые на карте обозначены как Большое и Малое Охотничьи. Так вот, вам наверняка будут рассказывать, будто там и рыбалка отменная, и охота. И действительно, когда-то там был рай для активного туризма. Но в конце шестидесятых вояки воткнули на берегу свой завод и за двадцать лет всё загадили до полной неузнаваемости. Теперь у нас те озёра иначе как Мёртвыми никто и не называет. Раньше на озёрах деревни стояли – так жители разбежались кто куда... Один наш местный идиот, владелец фирмы «Домовой», – директор понизил голос, и Бизнесмен понял, что речь идёт о заклятом конкуренте, – приобрёл эти деревни по бросовой цене, а теперь и не знает, что с ними делать. Будет предлагать вам – гоните в шею.

– А что лично вы посоветуете?

– В республике много хороших мест. Взять, к примеру, Солдатово. Или Горловку. Отличные виды у Покровского собора...

Бизнесмен внимательно слушал директора, а кое-что даже занёс в память карманного микрокомпьютера.

По окончании обеда они вернулись в офис «Метров», где подписали договоры на покупку квартир. Бизнесмен позвонил оттуда в Питер, и на счёт агентства тут же были перечислены пятьдесят тысяч долларов – первый взнос.

Раскланявшись и пообещав, что через неделю он прибудет в сопровождении целой команды, Бизнесмен покинул «Метры», сел в джип и был таков. А директор агентства тут же вызвал самого молодого сотрудника и, вручив ему несколько крупных купюр, велел закупить шампанского и шоколада. До поздней ночи в «Метрах» царил веселье.

Когда машина Бизнесмена въезжала в Лодейное Поле, Турист допивал уже четвёртую кружку пива и чувствовал себя слегка одуревшим от бронебойной музыки, которую гоняли в «Ивушке». Он несколько раз ходил в туалет отлить и во время одного из таких походов дал увлечь себя в танец. В итоге познакомился с крашеной блондинкой по имени Наташа, которая была ещё достаточно молода, чтобы привлекать внимание, но уже достаточно опытна, чтобы позволять этому вниманию перерасти в более интимные отношения.

Сначала они пили пиво, потом Турист угостил Наташу мексиканскими лепёшками «буритас», за что она его поцеловала. Потом они много танцевали, целуясь уже по-настоящему, и снова пили пиво. А к одиннадцати вечера оба вдруг засобирались и через полчаса входили под руку в холл гостиницы «Озёрная». Там Туристу пришлось заплатить за Наташу бдительному швейцару, после чего они наконец добрались до номера, заперли дверь и упали на кровать, лихорадочно срывая одежду. Потом была страсть, потом была истома. Потом они курили, сидя в разворошенной постели, и беседовали. Потом снова занимались любовью и снова беседовали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.